

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Если транспортное средство передано по договору аренды без предоставления услуг по управлению им и его технической эксплуатации, то вред, причиненный этим транспортным средством третьим лицам, подлежит возмещению арендатором

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2022 г. № 11-КГ22-20-К6

(Извлечение)

А. обратился в суд с иском к Ш. и К. о возмещении ущерба, причиненного в результате ДТП, в виде стоимости восстановительного ремонта транспортного средства и утраченной товарной стоимости, а также о взыскании компенсации морального вреда.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично. С Ш. в пользу А. взыскана стоимость восстановительного ремонта, утраты товарной стоимости транспортного средства.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления судов нижестоящих инстанций оставлены без изменения.

Как установлено судами, 13 июля 2019 г. произошел наезд скутера (мопеда) под управлением К. на принадлежащий А. автомобиль.

В результате ДТП автомобиль истца получил механические повреждения.

Собственником скутера являлась индивидуальный предприниматель Ш., которая передала на основании договора аренды от 13 июля 2019 г. указанный скутер К. во временное пользование.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции со ссылкой на положения ст.ст. 15, 1064, 1082, 210, 1079 ГК РФ исходил из того, что скутер является источником повышенной опасности и был передан арендодателем Ш. арендатору К. с неисправной тормозной системой. Данное нарушение, по мнению суда первой инстанции, находилось в причинно-следственной связи с последовавшим ДТП и повреждением автомобиля истца.

Определяя надлежащего ответчика по делу, суд указал, что гражданско-правовую ответственность по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности, должен нести собственник скутера Ш., в связи с чем оснований для привлечения к гражданско-правовой ответственности К. не имеется.

Решение суда первой инстанции оставлено без изменения апелляционным определением.

Судебная коллегия по гражданским делам суда кассационной инстанции не нашла оснований для отмены судебных постановлений.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 6 декабря 2022 г. указала, что обжалуемые судебные постановления приняты с существенными нарушениями норм материального права, и не согласилась с ними по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого

напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании.

По смыслу приведенной правовой нормы ответственность за причиненный источником повышенной опасности вред несет его собственник, если не докажет, что право владения источником передано им иному лицу в установленном законом порядке.

Согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина” под владельцем источника повышенной опасности следует понимать юридическое лицо или гражданина, которые используют его в силу принадлежащего им права собственности, права хозяйственного ведения, оперативного управления либо на других законных основаниях (например, по договору аренды, проката, по доверенности на управление транспортным средством, в силу распоряжения соответствующего органа о передаче ему источника повышенной опасности).

Как установлено судами, ущерб А. причинен в результате наезда скутера под управлением ответчика К. на припаркованный автомобиль, принадлежащий истцу.

В связи с этим существенным обстоятельством, подлежащим выяснению, является вопрос об основании возникновения у К. права владения скутером в момент ДТП.

Из установленных судами обстоятельств дела следует, что 13 июля 2019 г. между индивидуальным предпринимателем Ш. (арендодатель) и К. (арендатор) заключен договор аренды, по условиям которого арендатору передано во временное возмездное пользование транспортное средство сроком с 16 ч. 30 мин. по 17 ч. 30 мин. 13 июля 2019 г.

В соответствии с п. 4.5 указанного договора арендодатель не несет ответственности перед третьими лицами в случае причинения им любого вреда арендатором во время всего срока аренды транспортного средства.

Согласно п. 1 ст. 642 ГК РФ по договору аренды транспортного средства без экипажа арендодатель предоставляет арендатору транспортное средство за плату во временное владение и пользование без оказания услуг по управлению им и его технической эксплуатации.

Статьей 648 ГК РФ предусмотрено, что ответственность за вред, причиненный третьим

лицам транспортным средством, его механизмами, устройствами, оборудованием, несет арендатор в соответствии с правилами главы 59 данного Кодекса.

Таким образом, из содержания ст.ст. 642 и 648 ГК РФ следует, что если транспортное средство передано по договору аренды без предоставления услуг по управлению им и его технической эксплуатации, то причиненный вред подлежит возмещению арендатором.

Приведенное законодательное регулирование носит императивный характер и не предполагает возможность его изменения по усмотрению сторон, заключающих договор аренды транспортного средства.

Суд первой инстанции не учел, что на момент ДТП ответчик К. владел скутером по договору аренды транспортного средства без экипажа. Данный договор аренды не расторгался, не действительным в установленном законом порядке не признавался.

При разрешении спора надлежащая правовая оценка указанному обстоятельству не дана.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

2. По делам о защите деловой репутации юридического лица истец обязан подтвердить наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений, а также доказать наступление для него неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений, факт утраты доверия к его репутации или ее снижение

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 78-КГ22-44-КЗ

(Извлечение)

ПАО “Городские инновационные технологии” (далее — ПАО “ГИТ”) обратилось в суд с иском к Т. о защите деловой репутации, взыскании компенсации вреда, причиненного деловой репутации, указав, что ответчиком в социальной сети был размещен негативный комментарий, который содержит недостоверные сведения, порочащие деловую репутацию истца, указывающие на совершение истцом преступлений с подделкой протоколов, что не соответствует действительности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, признаны не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию ПАО “ГИТ” сведения, распространенные Т. На ответчика возложена обязанность удалить данные сведения и опубликовать опровержение. Кроме того, с ответчика в пользу истца также взыскана компен-

сация вреда, причиненного деловой репутации. В удовлетворении остальной части заявленных требований отказано.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции решение суда первой инстанции и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе заявителя поставлен вопрос об отмене указанных выше судебных постановлений.

Удовлетворяя частично искивые требования, суд исходил из того, что сведения, содержащиеся в размещенном в социальной сети комментарии, распространены ответчиком, носят порочащий характер, не соответствуют действительности, умаляют деловую репутацию истца.

Определяя размер подлежащей взысканию компенсации репутационного вреда, суд первой инстанции сослался на требования разумности и справедливости и указал, что сведения размещены ответчиком на открытой странице в сети “Интернет” и доступны для восприятия неопределенного круга лиц.

Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводами суда первой инстанции, указал, что сам факт причинения вреда деловой репутации при распространении порочащих сведений презюмируется и не требует специального доказывания, а размер определенной судом компенсации соответствует обстоятельствам дела и представленным доказательствам.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с такими выводами.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 8 ноября 2022 г. пришла к выводу о том, что решение суда первой инстанции, апелляционное определение и определение суда кассационной инстанции приняты с нарушением норм действующего законодательства, и не согласилась с ними по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом.

Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети “Интернет”, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети “Интернет” (п. 5 ст. 152 ГК РФ).

Правила указанной статьи о защите деловой репутации гражданина, за исключением положений о компенсации морального вреда, соответственно применяются к защите деловой

репутации юридического лица (п. 11 ст. 152 ГК РФ).

Вступление в силу с 1 октября 2013 г. новой редакции ст. 152 ГК РФ, исключившей возможность компенсации морального вреда в случае умаления деловой репутации юридических лиц, не препятствует защите нарушенного права посредством заявления юридическим лицом требования о возмещении вреда, причиненного репутации юридического лица.

Данный вывод следует из Определения Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 г. № 508-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации”, в котором отмечено, что отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (п. 2 ст. 150 ГК РФ). Данный вывод основан на положениях ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Под вредом, причиненным деловой репутации, следует понимать всякое ее умаление, которое проявляется, в частности, в наличии у юридического лица убытков, обусловленных распространением порочащих сведений, и иных неблагоприятных последствий в виде утраты юридическим лицом в глазах общественности и делового сообщества положительного мнения о его деловых качествах, утраты конкурентоспособности, невозможности планирования деятельности и т.д.

Следовательно, юридическое лицо, чье право на деловую репутацию нарушено действиями по распространению сведений, порочащих такую репутацию, вправе требовать восстановления своего права при доказанности общих условий деликтной ответственности (наличия противоправного деяния со стороны ответчика, неблагоприятных последствий этих действий для истца, причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца). Наличие вины ответчика презюмируется (п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

При этом противоправный характер действий ответчика должен выражаться в распространении вовне (сообщении хотя бы одному лицу), в частности посредством публикации, публичного выступления, распространения в средствах массовой информации, сети “Интернет”, с помощью иных средств телекоммуникационной связи, определенных сведений об истце, нося-

ших порочащий и не соответствующий действительности характер.

Факта распространения ответчиком сведений, порочащих деловую репутацию истца, недостаточно для вывода о причинении ущерба деловой репутации и для выплаты денежного возмещения за необоснованное умаление деловой репутации.

На истце в силу требований ст. 56 ГПК РФ лежит обязанность доказать обстоятельства, на которые он ссылается как на основание своих требований, т.е. подтвердить, во-первых, наличие сформированной репутации в той или иной сфере деловых отношений (промышленности, бизнесе, услугах, образовании и т.д.), во-вторых, наступление для него неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений, факт утраты доверия к его репутации или ее снижение.

В обоснование своего требования о взыскании компенсации репутационного вреда истец ссылался на использованную ответчиком форму распространения порочащих его сведений в сети “Интернет” с предоставлением неограниченному числу пользователей свободного доступа к сайту.

Однако доказательств и пояснений, свидетельствующих о сформированной до нарушения репутации истца, и доказательств, позволяющих установить наличие для него неблагоприятных последствий в результате размещения комментария в социальной сети, истцом не представлено.

Таким образом, судом не установлены обстоятельства, на основании которых возможно установить причинение репутационного вреда истцу. Наличие самого факта распространения негативных сведений и судебного решения об их опровержении недостаточно для вывода о причинении вреда деловой репутации, а также для определения размера возмещения вреда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также отметила, что гражданско-правовые механизмы компенсации и возмещения вреда различны по своей сути. В отношении юридического лица, которое не может претерпевать моральные и нравственные страдания, невозможно применение компенсационного механизма, основанного в большей степени на оценке судом обстоятельств дела и судебском усмотрении. Защита деловой репутации юридического лица осуществляется именно путем возмещения причиненного ущерба, размер которого должен быть доказан истцом, при этом представленные доказательства должны отвечать критериям относимости и допустимости. Если такие доказательства не представлены, суд не может заменить возмещение вреда на компенсацию, определенную по своему усмотрению.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

3. Разрешая вопрос об утверждении мирового соглашения в отношении имущества несовершеннолетних, суду следует проверить его на соответствие требованиям закона и отсутствие нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних собственников, а также выяснить мнение органа опеки и попечительства

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 21 февраля 2023 г. № 16-КГ22-43-К4*

(Извлечение)

Ш.Т., действующая в интересах несовершеннолетнего Ш.В., обратилась в суд с иском к И.Е. об определении порядка пользования квартирой.

И.Е. обратилась в суд со встречным иском к Ш.В., Ш.А. об определении порядка пользования квартирой.

Определением суда первой инстанции от 21 декабря 2021 г. по иску Ш.Т., действующей в интересах несовершеннолетнего Ш.В., к участию в деле в качестве ответчика привлечен Ш.А., в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, — И.М. и И.А.

Определением суда первой инстанции от 20 января 2022 г. к участию в деле в качестве ответчика по первоначальному иску привлечен И.А.; к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечена Ш.Т.

Определением суда первой инстанции по делу утверждено мировое соглашение на следующих условиях: 1) 3-комнатная квартира выставляется на продажу по рыночной стоимости, определенной в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ “Об оценочной деятельности в Российской Федерации”; 2) денежные средства, полученные сторонами от продажи вышеуказанной квартиры, распределяются между сторонами пропорционально долям в праве собственности на квартиру; 3) все судебные расходы по настоящему делу ложатся на сторону, их понесшую, и сторонами друг другу не возмещаются. Производство по делу по иску Ш.Т., действующей в интересах несовершеннолетнего Ш.В., и по встречному иску И.Е. прекращено.

Определением кассационного суда общей юрисдикции определение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Ш.Т., действующей в интересах несовершеннолетнего Ш.В., подана кассационная жалоба, в которой поставлен вопрос о ее передаче с делом для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ для отмены определения суда первой инстанции и определения кассационного суда общей юрисдикции.

Судом установлено, что несовершеннолетним Ш.В. и И.А. принадлежит по 1/3 доли в праве собственности на квартиру; Ш.А. и И.Е. принадлежит по 1/6 доли в праве собственности на названную квартиру.

Ш.Т. является матерью несовершеннолетнего Ш.В.; И.Е. является супругой И.М.; И.Е. и И.М. — родители несовершеннолетнего И.А.

24 февраля 2022 г. между Ш.Т., действующей в интересах несовершеннолетнего Ш.В., Ш.А. и И.Е., действующей в своих интересах и в интересах несовершеннолетнего И.А., заключено мировое соглашение.

Мировое соглашение утверждено судом, производство по делу прекращено.

Судебная коллегия по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции оставила без изменений судебное постановление суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 21 февраля 2023 г. пришла к выводу о том, что судами были допущены нарушения норм права и они выразились в следующем.

Согласно ч. 2 ст. 153⁹ ГПК РФ мировое соглашение должно содержать согласованные сторонами сведения об условиях, о размере и сроках исполнения обязательств друг перед другом или одной стороной перед другой.

Мировое соглашение исполняется лицами, его заключившими, добровольно в порядке и в сроки, которые предусмотрены этим мировым соглашением. Мировое соглашение, не исполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению по правилам раздела VII данного Кодекса на основании исполнительного листа, выдаваемого судом по ходатайству лица, заключившего мировое соглашение (ст. 153¹¹ ГПК РФ).

Из смысла и содержания норм, регламентирующих примирение сторон, а также из задач гражданского судопроизводства, определенных в ст. 2 ГПК РФ, следует, что утвержденное судом мировое соглашение основывается на примирении сторон на взаимоприемлемых для них условиях, что влечет за собой окончательное прекращение гражданско-правового спора (полностью либо в соответствующей части).

Между тем заключенное по делу мировое соглашение между Ш.Т. (действующей в интересах несовершеннолетнего Ш.В.), Ш.А. и И.Е. (действующей в своих интересах и в интересах несовершеннолетнего И.А.) приведенным выше требованиям гражданского процессуального закона не отвечает.

В мировом соглашении не определено, на кого из собственников возлагается обязанность выставить квартиру на продажу, не определены условия и сроки исполнения обязательств сторон друг перед другом, что, как следствие, влечет невозможность принудительного исполнения данного мирового соглашения при его неисполнении сторонами в добровольном порядке.

Кроме того, в результате заключения сторонами и утверждения судом мирового соглашения нарушены права несовершеннолетних собственников Ш.В. и И.А.

Согласно ч. 2 ст. 39 ГПК РФ суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон,

если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Суд не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц (ч. 6 ст. 153¹⁰ ГПК РФ).

Пунктом 1 ст. 28 ГК РФ предусмотрено, что за несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет (малолетних), сделки, за исключением указанных в п. 2 этой статьи, могут совершать от их имени только их родители, усыновители или опекуны. К сделкам законных представителей несовершеннолетнего с его имуществом применяются правила, предусмотренные пп. 2 и 3 ст. 37 данного Кодекса.

Абзацем 3 п. 3 ст. 60 СК РФ определено, что при осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом ребенка на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 37 ГК РФ опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а попечитель — давать согласие на совершение сделок по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других действий, влекущих уменьшение имущества подопечного.

При разрешении судом вопроса об утверждении мирового соглашения в судебном заседании к участию в деле не привлечен представитель органа опеки и попечительства, заключение о том, нарушает ли соглашение права несовершеннолетних собственников в результате отчуждения имущества и на каких условиях возможно данное отчуждение спорного имущества, не испрашивалось.

Таким образом, суд первой инстанции не проверил содержание мирового соглашения на соответствие требованиям приведенных выше норм гражданского и семейного законодательства, регулирующих порядок совершения сделок в отношении имущества несовершеннолетних в том числе их законными представителями, и в нарушение требований ч. 2 ст. 56 ГПК РФ не принял мер по выяснению позиции представителя органа опеки и попечительства относительно правомерности достигнутого сторонами мирового соглашения.

Кассационным судом общей юрисдикции, проверившим законность определения об утверждении мирового соглашения, допущенные судом первой инстанции нарушения устранены не были.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила определение суда первой инстанции и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

4. Если работник приступил к работе и выполняет ее без оформленного трудового договора, но с ведома или по поручению работодателя или его представителя и в интересах работодателя, под его контролем и управлением, то трудовой договор считается заключенным

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 декабря 2023 г. № 18-КГ23-182-К4

(Извлечение)

Л. обратилась в суд с исковым заявлением к обществу с ограниченной ответственностью (далее — общество) об установлении факта трудовых отношений, о восстановлении на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула.

В обоснование заявленных требований Л. указала, что она в январе 2020 г. принята на работу в общество уборщицей и директор ее убедил в том, что она официально будет трудоустроена после подсчета объема работы с повышением заработной платы.

В конце августа 2020 г. Л., проработав в обществе 8 месяцев, подала работодателю заявление о предоставлении отпуска с 1 сентября 2020 г., содержащее также просьбу создать ей нормальные условия труда, однако работодателем ей была выплачена заработная плата за август 2020 г. без оплаты отпускных и сообщено об увольнении.

Л. полагала, что ответчик нарушил ее трудовые права, так как она была допущена к работе в обществе с ведома и по поручению работодателя без надлежащего оформления и впоследствии была незаконно уволена. Л. представила копии документов, подписанных жильцами дома, в том числе об оценке качества ее работы как уборщицы, а также график уборки помещений дома, подписанный представителем работодателя, подтверждающие, что Л. действительно работала уборщицей в обществе.

Суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении искового заявления Л., исходил из того, что между Л. и обществом трудового договора или иного гражданско-правового договора о выполнении Л. трудовой функции не заключалось, заявления о приеме на работу Л. не подавалось, кадровых решений в отношении нее обществом не принималось, приказов о приеме на работу и об увольнении не издавалось, в трудовую книжку записи о трудовой деятельности не вносились, заработная плата не выплачивалась.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, признала их законными.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 11 декабря 2023 г. указала, что выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций основаны на неправиль-

ном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделаны с существенным нарушением норм процессуального права ввиду следующего.

Из нормативных положений трудового законодательства (ст.ст. 15, 16, 56, 61, 67 ТК РФ) и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по их применению (в частности, содержащихся в абз. 2 п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 “О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации”; абз. 1—4 п. 17, п. 18, пп. 20 и 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 15 “О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям”) следует, что к характерным признакам трудового правоотношения относятся: достижение сторонами соглашения о личном выполнении работником определенной, заранее обусловленной трудовой функции в интересах, под контролем и управлением работодателя; подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда; возмездный характер трудового отношения (оплата производится за труд).

Трудовые отношения между работником и работодателем возникают на основании трудового договора, заключаемого в письменной форме. Обязанность по надлежащему оформлению трудовых отношений с работником (заключение в письменной форме трудового договора, издание приказа (распоряжения) о приеме на работу) нормами Трудового кодекса РФ возлагается на работодателя.

Вместе с тем само по себе отсутствие оформленного надлежащим образом, т.е. в письменной форме, трудового договора не исключает возможности признания сложившихся между сторонами отношений трудовыми, а трудового договора — заключенным при наличии в этих отношениях признаков трудового правоотношения, поскольку к основаниям возникновения трудовых отношений между работником и работодателем закон (ч. 3 ст. 16 ТК РФ) относит также фактическое допущение работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен.

Цель указанной нормы — устранение неопределенности правового положения таких работников и неблагоприятных последствий отсутствия трудового договора в письменной форме, защита их прав и законных интересов как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении, в том числе путем признания в судебном порядке факта трудовых отношений между сторонами, формально не связанными трудовым договором. При этом неисполнение работодателем, фактически допустившим работника к работе, обязанности не позднее трех рабочих дней со дня фактического допущения работника к работе

оформить в письменной форме с ним трудовой договор может быть расценено как злоупотребление правом со стороны работодателя на заключение трудового договора вопреки намерению работника заключить трудовой договор.

Таким образом, по смыслу ст.ст. 15, 16, 56, ч. 2 ст. 67 ТК РФ в их системном единстве, если работник, с которым не оформлен трудовой договор в письменной форме, приступил к работе и выполняет ее с ведома или по поручению работодателя или его представителя и в интересах работодателя, под его контролем и управлением, наличие трудового правоотношения презюмируется и трудовой договор считается заключенным. В связи с этим доказательства отсутствия трудовых отношений должен представить работодатель.

В целях защиты прав и законных интересов работника как экономически более слабой стороны в трудовом правоотношении при разрешении трудовых споров по заявлениям работников (в том числе об установлении факта нахождения в трудовых отношениях) суду следует устанавливать наличие либо отсутствие трудовых отношений между работником и работодателем. При этом суды должны не только исходить из наличия (или отсутствия) тех или иных формализованных актов (гражданско-правовых договоров, штатного расписания и т.п.), но и устанавливать, имелись ли в действительности признаки трудовых отношений и трудового договора, указанные в ст.ст. 15 и 56 ТК РФ.

Признав применение судами первой и апелляционной инстанций норм трудового законодательства, определяющих понятие трудовых отношений, их отличительные признаки, особенности, основания возникновения, формы реализации прав работника при разрешении споров с работодателем по квалификации сложившихся отношений в качестве трудовых, неправильным, сделанным без учета разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, Судебная коллегия отметила, что в нарушение положений ст.ст. 55, 56, 67 и 196 ГПК РФ действительные правоотношения сторон судами первой и апелляционной инстанций не определены, правовая оценка действиям ответчика, не заключившего трудовой договор с Л., а также доводам Л. не дана, соответственно их вывод об отсутствии трудовых отношений между ответчиком и истцом является незаконным.

Суд первой инстанции ограничился лишь указанием на то, что истец не представила достаточных доказательств, свидетельствующих о наличии между ней и ответчиком трудовых отношений, тем самым произвольно применил ст. 56 ГПК РФ и проигнорировал требования процессуального закона, касающиеся доказательств и доказывания в гражданском процессе.

Тем самым суд первой инстанции, вопреки положениям ст.ст. 15, 16, 56, ч. 2 ст. 67 ТК РФ, по смыслу которых наличие трудового правоотношения презюмируется, если работник, с которым не оформлен трудовой договор в письменной форме, приступил к работе и выполняет ее с ведома или по поручению работодателя или его представителя и в интересах работодателя, под

его контролем и управлением, а обязанность по надлежащему оформлению трудовых отношений законом возложена на работодателя, неправильно распределил обязанность по доказыванию юридически значимых обстоятельств по делу, по сути возложил бремя их доказывания исключительно на истца Л. и не учел, что доводы Л. о наличии между ней и обществом трудовых отношений не были опровергнуты стороной ответчика.

Суд кассационной инстанции, проверяя по кассационной жалобе Л. законность судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования ст. 379⁶ и чч. 1—3 ст. 379⁷ ГПК РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

5. Признание решением суда за одним из супругов права собственности на имущество, приобретенное в период брака, не исключает возможность его отнесения к совместной собственности супругов при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 36 СК РФ

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 6 февраля 2024 г. № 41-КГ23-67-К4*

(Извлечение)

Ф. обратился в суд с иском к А. о выделе доли в имуществе супругов, включении супружеской доли в наследственную массу, признании права собственности.

В обоснование исковых требований истец указал, что является сыном наследодателя Т., состоявшей при жизни в браке с ответчиком А. Истец является наследником Т. по закону. Нотариусом истцу было выдано свидетельство о праве на наследство по закону на 1/4 доли в праве общей долевой собственности на квартиру, принадлежавшую наследодателю на праве собственности. По мнению истца, также имеется иное имущество, которое не было включено в наследственную массу, а именно земельный участок и расположенное на нем здание, которые были нажиты в браке супругами Т. и А. Право собственности на указанное имущество было зарегистрировано в период брака на имя А.

Ф. просил суд выделить супружескую долю Т. в виде 1/2 доли в праве собственности на указанные земельный участок и здание, включить данную супружескую долю в наследство, открывшееся после смерти Т., а также признать за ним право собственности на 1/4 доли в праве собственности на указанные объекты недвижимости.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления оставлены без изменения.

Судом установлено, что нотариусом округа было заведено наследственное дело, в соответствии с которым наследниками к имуществу Т. являются Ф. (сын) и А. (супруг). Нотариусом 29 апреля 2021 г. выданы свидетельства о праве на наследство по закону на квартиру и денежные средства, находящиеся на счетах в банке.

Ответчику А. с 2007 года на праве собственности принадлежит земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения с видом разрешенного использования “для садоводства” и находящееся на нем жилое строение без права регистрации проживания.

Право собственности на указанный выше земельный участок возникло у А. на основании решения мирового судьи от 10 июля 2007 г., которым установлено, что А. является членом СНТ с 1990 года, как член товарищества полностью внес паевые взносы, задолженности по членским взносам не имеет.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что спорный земельный участок ответчику А. был предоставлен для ведения садоводства как члену СНТ, право собственности на этот земельный участок было признано за ним на основании решения суда, в связи с чем данный земельный участок не является совместно нажитым имуществом супругов и не подлежит включению в состав наследства. Также суд первой инстанции не нашел оснований для включения в состав наследства строения, расположенного на спорном земельном участке.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, отметив, что право собственности ответчика возникло на основании судебного решения по иску о признании права собственности на земельный участок в силу приобретательной давности, что нельзя приравнивать к возмездной сделке или актам государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве оснований возникновения гражданских прав и обязанностей.

Также суд апелляционной инстанции указал, что истцом не представлено доказательств, подтверждающих возведение жилого строения, расположенного на спорном земельном участке, за счет общих средств супругов.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с данными выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 6 февраля 2024 г. указала, что выводы судов сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права, и не согласилась с ними по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имуще-

ство, в том числе имущественные права и обязанности.

В силу ст. 1150 ГК РФ принадлежащее пережившему супругу наследодателя в силу завещания или закона право наследования не умаляет его права на часть имущества, нажитого во время брака с наследодателем и являющегося их совместной собственностью. Доля умершего супруга в этом имуществе, определяемая в соответствии со ст. 256 Кодекса, входит в состав наследства и переходит к наследникам в соответствии с правилами, установленными названным Кодексом. Как установлено в п. 1 ст. 256 ГК РФ, имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

Из разъяснений, приведенных в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 “О судебной практике по делам о наследовании”, следует, что в состав наследства, открывшегося со смертью наследодателя, состоявшего в браке, включается его имущество (п. 2 ст. 256 ГК РФ, ст. 36 СК РФ), а также его доля в имуществе супругов, нажитом ими во время брака, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства, если брачным договором не установлено иное (п. 1 ст. 256 ГК РФ, ст.ст. 33, 34 СК РФ).

В силу ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Вместе с тем имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам (имущество каждого из супругов), является его собственностью (п. 1 ст. 36 СК РФ).

Судом в нарушение требований ст. 67 и ч. 4 ст. 198 ГПК РФ не дана оценка доводам истца о том, что спорный земельный участок был предоставлен в период брака А. и Т., доказательств предоставления земельного участка по основаниям,

исключающим признание его общей совместной собственностью супругов, не представлено.

Суды первой и апелляционной инстанций, установив, что право собственности на земельный участок возникло у А. на основании вступившего в законную силу решения суда, пришли к выводу о том, что спорное имущество не является общей совместной собственностью супругов.

Между тем, поскольку А. вступил в члены СНТ в период брака с Т., земельный участок был предоставлен ему как члену СНТ и вступившим в законную силу решением мирового судьи установлено, что с 1990 г. все паевые и членские взносы им выплачены (также в период брака с Т.), что и послужило основанием для признания за А. права собственности на спорный земельный участок, то выводы судов об отнесении данного имущества к личной собственности ответчика в порядке ст. 36 СК РФ противоречат указанным выше положениям закона.

Признание решением суда за одним из супругов права собственности на имущество, приобретенное (предоставленное) в период брака, не исключает возможность его отнесения к совместной собственности супругов при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 36 СК РФ.

По настоящему делу исходя из приведенных норм материального права и с учетом заявленных требований юридически значимыми и подлежащими доказыванию обстоятельствами являлись определение правового режима указанного имущества на день открытия наследства, т.е. установление обстоятельств, позволяющих отнести спорное недвижимое имущество к общему имуществу супругов или к личной собственности одного из них, и выяснение того, на какие средства (личные или общие) осуществлялось возведение названного жилого строения в период брака.

Вместе с тем, делая вывод об отказе в удовлетворении исковых требований Ф., суд первой инстанции данные обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора, оставил без установления и правовой оценки.

Проверяя законность и обоснованность решения суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и дополнительно указал, что истцом не представлено доказательств возведения спорного строения за счет общих средств супругов в период их брака.

Между тем суд апелляционной инстанции не учел, что семейным законодательством (ст.ст. 33, 34 СК РФ) установлена презумпция возникновения режима совместной собственности супругов на приобретенное в период брака имущество независимо от того, на чье имя оно оформлено. Обязанность доказать обратное и подтвердить факт приобретения имущества в период брака за счет личных денежных средств возложена на супруга, претендующего на признание имущества его личной собственностью.

Поскольку ответчик возражал против того, что указанное здание, возведенное в период брака А. и Т., является их совместной собственностью,

то именно на ответчике лежала обязанность доказать факт возведения названного здания за счет его личных средств.

Однако суд апелляционной инстанции неправильно распределил бремя доказывания юридически значимых обстоятельств, указав, что истец не доказал факт возведения спорного имущества за счет совместных средств супругов.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Предназначенный для сельскохозяйственного производства земельный участок в составе земель населенных пунктов не подлежит выкупу по основаниям, установленным подп. 9 п. 2 ст. 39³ ЗК РФ, после изменения правилами землепользования и застройки его разрешенного использования, не предусматривающего сельскохозяйственное производство

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 31 мая 2023 г. № 309-ЭС22-29534*

(Извлечение)

Общество, являясь арендатором находящихся в публичной собственности 4 земельных участков сельскохозяйственного назначения, обратилось в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении в собственность без проведения торгов арендованных участков на основании подп. 9 п. 2 ст. 39³ ЗК РФ и п. 4 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения” (далее — Закон № 101-ФЗ).

Комитет по управлению имуществом и земельным отношениям муниципального района области (далее — комитет) отказал обществу в предоставлении в собственность указанных земельных участков в связи с отменой генерального плана (корректировка) и правил землепользования и застройки (корректировка) сельского поселения (далее — ПЗЗ сельского поселения).

Общество, полагая, что решение комитета не соответствует закону и нарушает его права и законные интересы, обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании его недействительным.

Суды трех инстанций пришли к выводу об обоснованности требований общества, признали недействительным оспариваемое решение комитета и в целях восстановления нарушенных прав общества обязали комитет принять решение о предоставлении в собственность заявителя испрашиваемых земельных участков и направить ему проекты договоров купли-продажи участков.

Суды исходили из того, что на момент подачи заявления о выкупе и на момент принятия оспариваемого решения у комитета отсутствовали

предусмотренные земельным законодательством основания для отказа обществу в предоставлении в собственность испрашиваемых земельных участков, так как спорные земельные участки относились к землям сельскохозяйственного назначения с видом разрешенного использования “для сельскохозяйственного использования” и не входили в границы населенного пункта.

Доводы комитета о том, что в соответствии с генеральным планом и ПЗЗ сельского поселения испрашиваемые земельные участки включены в границы населенного пункта, находятся в территориальных зонах малоэтажной застройки и застройки индивидуальными жилыми домами и не могут использоваться в целях сельскохозяйственного производства, суды отклонили, мотивируя тем, что территориальное зонирование не соответствует разрешенным видам использования спорных земельных участков.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 31 мая 2023 г. отказала в удовлетворении требований общества в части обязанности комитета восстановить нарушенное право общества путем принятия решения о предоставлении в собственность земельных участков и направления в адрес общества проектов договоров купли-продажи спорных земельных участков, указав следующее.

По смыслу ч. 1 ст. 198, ч. 4 ст. 200, чч. 2—5 ст. 201 АПК РФ, разъяснений, приведенных в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 “О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”, изменение правового регулирования ко времени рассмотрения дела, как правило, не может служить основанием для отказа в восстановлении права, которое было незаконно нарушено органом или лицом, наделенными публичными полномочиями. Вместе с тем суд, признавая оспоренное решение, действие (бездействие) незаконным, может отказать в возложении на административного ответчика (орган или лицо, наделенные публичными полномочиями) обязанности совершить какие-либо действия, если на день рассмотрения дела законодательством установлен запрет на осуществление гражданами, организациями соответствующих действий.

Поскольку оспариваемое решение комитета принято в связи с подачей обществом заявления о предоставлении в собственность без проведения торгов земельных участков сельскохозяйственного назначения, правосстановительные меры должны соответствовать требованиям как подп. 9 п. 2 ст. 39³ ЗК РФ и п. 4 ст. 10 Закона № 101-ФЗ, так и других законов и нормативных правовых актов.

Из системного толкования п. 6 ст. 27, подп. 9 п. 2 ст. 39³, п. 1 ст. 78 ЗК РФ, пп. 1 и 4 ст. 10 Закона № 101-ФЗ следует, что предусмотренный этими нормами специальный механизм приобретения в собственность земельных участков сельскохозяйственного назначения установлен зако-

нодателем для тех арендаторов, которые на протяжении длительного срока (более трех лет) надлежаще используют без нарушений земельного законодательства предоставленные им земельные участки, в целях их дальнейшего использования для сельскохозяйственного производства.

В силу ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ “О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую” установление или изменение границ населенных пунктов, а также включение земельных участков в границы населенных пунктов является переводом земель населенных пунктов или земельных участков в составе таких земель в другую категорию либо переводом земель или земельных участков в составе таких земель из других категорий в земли населенных пунктов.

В соответствии с генеральным планом и ПЗЗ сельского поселения спорные земельные участки включены в границы населенного пункта и отнесены к территориальным зонам малоэтажной застройки и застройки индивидуальными жилыми домами. В названных зонах не предусмотрен такой вид разрешенного использования, как сельскохозяйственное производство, ввиду чего испрашиваемые земельные участки в силу прямого указания закона (п. 11 ст. 85 ЗК РФ) не могут быть использованы в целях сельскохозяйственного производства.

Предназначенный для сельскохозяйственного производства земельный участок в составе земель населенных пунктов не может быть выкуплен на основании подп. 9 п. 2 ст. 39³ ЗК РФ после изменения правилами землепользования и застройки его разрешенного использования, не предусматривающего сельскохозяйственное производство (п. 8 Обзора судебной практики по делам, связанным с предоставлением земельных участков сельскохозяйственным организациям и крестьянским (фермерским) хозяйствам для ведения сельскохозяйственного производства, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г.).

Поскольку на момент рассмотрения спора в суде принят нормативный правовой акт, в силу которого спорные земельные участки переведены в категорию земель населенных пунктов и отнесены к зонам малоэтажной застройки и застройки индивидуальными жилыми домами, которые не предназначены для ведения сельскохозяйственного производства, данные участки не подлежат передаче в собственность в льготном порядке без торгов по основаниям, предусмотренным в подп. 9 п. 2 ст. 39³ ЗК РФ и Закона № 101-ФЗ.

Иное толкование закона означало бы возникновение возможности получения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями права на приобретение в собственность земельных участков, отнесенных к землям населенного пункта, по правилам подп. 9 п. 2 ст. 39³ ЗК РФ и Закона № 101-ФЗ, которые не регулируют оборот земель населенных пунктов, в обход установленных земельным законодательством процедур предоставления в собственность земельных участков, относящихся к категории земель населенных пунктов, что является недопустимым.

2. Собственники медицинских отходов класса “А” вправе заключать договор на оказание услуг по вывозу медицинских отходов не только с региональным оператором как с единственным поставщиком услуги

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 июля 2023 г. № 308-ЭС23-5243

(Извлечение)

Общество, являясь региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами (далее — ТКО), обратилось в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании задолженности за оказанные услуги по вывозу ТКО с 1 января 2020 г. по 30 июня 2021 г. Основным видом деятельности учреждения является “Деятельность санаторно-курортных организаций”.

Суд первой инстанции пришел к выводу об обоснованности требования и удовлетворил иск.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, принял уточнение иска и удовлетворил заявленные требования, исходя из доказанности факта оказания обществом в спорный период услуг по обращению с ТКО.

При этом суд указал, что транспортировка ТКО может осуществляться только региональным оператором. Заключение потребителем договора о вывозе ТКО с иным лицом направлено на обход закона и уклонение от оплаты стоимости соответствующих услуг.

Суд округа поддержал выводы суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 4 июля 2023 г. отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Учреждение не направляло обществу заявку на заключение договора на оказание услуг по обращению с ТКО. Договор на оказание услуг по обращению с ТКО учреждение с обществом не заключало.

В силу ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ “Об отходах производства и потребления” (далее — Закон № 89-ФЗ) отношения в области обращения с медицинскими отходами регулируются Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации” (далее — Закон № 323-ФЗ).

Пунктом 2 ст. 49 Закона № 323-ФЗ предусмотрено, что медицинские отходы разделяются по степени их опасности, а также негативного воздействия на среду обитания на классы от “А” до “Г”, где класс “А” — это эпидемиологические безопасные отходы, приближенные по составу к твердым бытовым отходам.

Медицинские отходы подлежат сбору, использованию, обезвреживанию, размещению, хранению, транспортировке, учету и утилизации в порядке, установленном законодательством в области обеспечения санитарно-эпидемиологи-

ческого благополучия населения (п. 3 ст. 49 Закона № 323-ФЗ).

Анализ Санитарных правил (в частности, пп. 16, 170, 171, 193, 200, 201, 203, 204 и 244 СанПиН 2.1.3684-21) показывает, что положениями правил установлены особенности обращения с медицинскими отходами класса “А” по сравнению с ТКО по вопросам их сбора, хранения, размещения и транспортирования.

При этом как в приведенных пунктах СанПиН 2.1.3684-21, так и в иных его положениях, касающихся обращения с медицинскими отходами в целом и непосредственно с медицинскими отходами класса “А”, нет отсылки к нормам законодательства, регулирующего обращение с ТКО, в отличие от положений, определяющих, в частности, правила обращения с отходами производства (п. 218 СанПиН 2.1.3684-21).

В связи с этим действующие Санитарные правила содержат положения, разграничивающие порядок обращения с медицинскими отходами класса “А” и с ТКО.

В п. 14 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденных постановлением Правительства РФ от 12 ноября 2016 г. № 1156 (далее — Правила № 1156), закреплен прямой запрет на складирование в контейнерах медицинских отходов, а также иных отходов, которые могут причинить вред жизни и здоровью лиц, осуществляющих погрузку (разгрузку) контейнеров, повредить контейнеры, мусоровозы или нарушить режим работы объектов по обработке, обезвреживанию, захоронению ТКО.

Доводы общества о том, что медицинские отходы класса “А” приближены по составу к ТКО, не опровергают вышеизложенное толкование правовых норм, не позволяющее распространить действие Закона № 89-ФЗ на медицинские отходы класса “А”.

Таким образом, собственники медицинских отходов класса “А” не обязаны заключать договор на оказание услуг по вывозу медицинских отходов только с региональным оператором как с единственным поставщиком услуги. Реализуя соответствующие полномочия, учреждение вправе было заключить в соответствии с требованиями норм действующего законодательства договор по обращению с медицинскими отходами с третьими лицами.

Установлено, что учреждением путем проведения процедуры конкурентной закупки заключены и исполнены государственные контракты на оказание услуг по обращению с медицинскими отходами класса “А” в 2020—2021 гг. с другими юридическими лицами.

Однако суды, делая вывод о применении к обращению с медицинскими отходами класса “А” норм законодательства, связанных с заключением договора с региональным оператором по обращению с ТКО, не учли доводы учреждения и не исследовали обстоятельства, касающиеся исполнения условий государственных контрактов на вывоз с территории учреждения медицинских отходов класса “А” в 2020—2021 гг.

1. Пункт 5 Правил определения в ценовых зонах теплоснабжения сторонами соглашения об исполнении схемы теплоснабжения размера коэффициента к предельному уровню цены на тепловую энергию (мощность) и срока его применения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 23 июля 2018 г. № 860, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 4 апреля 2023 г. № АКПИ22-1294,
вступившее в законную силу*

2. Второе предложение абз. 1 п. 8⁵ Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (в ред. постановления Правительства РФ от 9 октября 2021 г. № 1711), признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 11 апреля 2023 г. № АКПИ23-113,
вступившее в законную силу*

3. Оспариваемые частично пп. 16 и 16¹ Правил полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 мая 2023 г. № АКПИ23-150,
вступившее в законную силу*

4. Оспариваемые частично требования к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения федерального значения город Кострома Костромской области, утвержденные приказом Минкультуры России от 12 июля 2022 г. № 1195 “Об утверждении предмета охраны, границ территории и требований к градостроительным регламентам в границах территории исторического поселения федерального значения город Кострома Костромской области”, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 17 мая 2023 г. № АКПИ23-178,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 25 июля 2023 г. № АПЛ23-270*

5. Пункты 45¹, 45² Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 мая 2023 г. № АКПИ23-228,
вступившее в законную силу*

6. Оспариваемый частично п. 1 Порядка определения соответствия имеющихся у организации, осуществляющей образовательную деятельность и реализующей основные программы профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий, условий для проведения экзаменов на предоставление специального права на управление транспортными средствами соответствующих категорий и входящих в них подкатегорий установленным требованиям, утвержденного приказом МВД России от 22 апреля 2021 г. № 236, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 17 мая 2023 г. № АКПИ23-154,
вступившее в законную силу*

7. Распоряжение Правительства РФ от 12 декабря 2022 г. № 3880-р признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 31 мая 2023 г. № АКПИ23-252,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 августа 2023 г. № АПЛ23-282*

8. Подпункт “к¹” п. 33, подп. “б” п. 59, абз. 1 п. 60 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 25 апреля 2023 г. № АКПИ23-141,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 6 июля 2023 г. № АПЛ23-231*

9. Пункт 180 Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 13 сентября 2023 г. № АКПИ23-698,
вступившее в законную силу*

10. Оспариваемые частично пп. 256, 257 Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности “Правила безопасности химически опасных производственных объектов”, утвержденных приказом Ростехнадзора от 7 декабря 2020 г. № 500, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 26 апреля 2023 г. № АКПИ23-125, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 20 июля 2023 г. № АПЛ23-263
11. Оспариваемые частично абз. 7 п. 16, абз. 2 п. 34 Порядка проведения служебных проверок в Следственном комитете Российской Федерации, утвержденного приказом СК России от 24 мая 2021 г. № 77, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 13 июня 2023 г. № АКПИ23-389, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 августа 2023 г. № АПЛ23-292
12. Письмо Минтруда России от 20 июня 2022 г. № 13-4/В-882 признано не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 15 июня 2023 г. № АКПИ23-177, вступившее в законную силу
13. Основные правила использования водных ресурсов Рыбинского и Горьковского водохранилищ на р. Волга, утвержденные приказом Минводхоза РСФСР от 11 ноября 1983 г. № 596, п. 3 раздела I “Характерные уровни водохранилищ (у плотин)” таблицы 2, пп. 3.13, 3.14 и таблица 6 данных Правил признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 7 июня 2023 г. № АКПИ23-310, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15 августа 2023 г. № АПЛ23-291
14. Пункт 17 Положения о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами и об осуществлении регионального государственного лицензионного контроля за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденного постановлением Правительства РФ от 28 октября 2014 г. № 1110, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 4 июля 2023 г. № АКПИ23-344, вступившее в законную силу
15. Письмо Минфина России от 2 февраля 2023 г. № 03-05-04-04/8694 признано не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № АКПИ23-240, вступившее в законную силу
16. Оспариваемый частично п. 122 Лесоустроительной инструкции, утвержденной приказом Минприроды России от 5 августа 2022 г. № 510, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 14 июня 2023 г. № АКПИ23-273, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22 августа 2023 г. № АПЛ23-298
17. Оспариваемый частично подп. “б” п. 3.3 Типового договора аренды лесного участка (лесных участков) для строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов, утвержденного приказом Минприроды России от 30 июля 2020 г. № 542 (Приложение 14), признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 31 мая 2023 г. № АКПИ23-274, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 22 августа 2023 г. № АПЛ23-297
18. Оспариваемая частично поз. 2 раздела I приложения к постановлению Правительства РФ от 29 декабря 2021 г. № 2571 “О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации” признана не противоречащей федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 19 сентября 2023 г. № АКПИ23-597, вступившее в законную силу
19. Пункт 17 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № АКПИ23-402, вступившее в законную силу

20. Пункты 4.1 и 4.5 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2023 г. № АКПИ23-575, вступившее в законную силу
21. Письмо Россельхознадзора от 28 марта 2019 г. № ФС-НВ-7/7808 признано не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2023 г. № АКПИ23-617, вступившее в законную силу
22. Письмо Роструда от 14 июня 2012 г. № 853-6-1 признано не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 5 июля 2023 г. № АКПИ23-387, вступившее в законную силу
23. Оспариваемый частично перечень районов проживания малочисленных народов Севера в целях установления социальной пенсии по старости, утвержденный постановлением Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1049, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 4 июля 2023 г. № АКПИ23-400, вступившее в законную силу
24. Пункт 58 Правил маркировки молочной продукции средствами идентификации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 15 декабря 2020 г. № 2099, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № АКПИ23-388, вступившее в законную силу
25. Абзац 4 п. 2.1 подраздела 2 “Медицинские организации особого типа” раздела I “Номенклатура медицинских организаций по виду медицинской деятельности” номенклатуры медицинских организаций, утвержденной приказом Минздрава России от 6 августа 2013 г. № 529н, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 16 августа 2023 г. № АКПИ23-219, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 26 октября 2023 г. № АПЛ23-393
26. Оспариваемые частично пп. 171 и 172(1) Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения, утвержденных приказом ФСТ России от 13 июня 2013 г. № 760-э, в редакции приказа ФАС России от 4 июля 2023 г. № 438/23, строки 5 приложения 7.6 к данным Методическим указаниям признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 7 сентября 2023 г. № АКПИ23-260, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 6 декабря 2023 г. № АПЛ23-419
27. Абзацы 3, 7 подп. “а” п. 2 изменений, которые вносятся в постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2013 г. № 276 “О расчете ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и отдельные категории товаров, выработанных из нефти, и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации”, утвержденных постановлением Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 2403, признаны не противоречащими федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 12 сентября 2023 г. № АКПИ23-491, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 7 декабря 2023 г. № АПЛ23-437
28. Оспариваемый частично п. 2.7 порядка заполнения налоговой декларации по налогу на прибыль организаций, утвержденного приказом ФНС России от 23 сентября 2019 г. № ММВ-7-3/475@, признан не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 20 сентября 2023 г. № АКПИ23-561, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № АПЛ23-443
29. Письмо Пенсионного фонда России от 24 января 2022 г. № СЧ-25-24/1526 “О выплате ежемесячных мер социальной поддержки за периоды до 1 января 2022 г.” признано не противоречащим федеральному законодательству
Решение Верховного Суда РФ от 19 июля 2023 г. № АКПИ23-453, вступившее в законную силу

30. Оспариваемые частично пп. 119, 123, 195, 198 Правил холодного водоснабжения и водоотведения, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644, признаны не противоречащими федеральному законодательству

Решение Верховного Суда РФ от 26 сентября 2023 г. № АКПИ23-604, оставленное без изменения определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 21 декабря 2023 г. № АПЛ23-454

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, признанному виновным в покушении на убийство, предусмотренном ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, наказание в виде лишения свободы при наличии смягчающего обстоятельства, указанного в п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств назначается с учетом правил ч. 3 ст. 66 и ч. 2 ст. 62 УК РФ и его срок не может превышать семь лет шесть месяцев

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2023 г. № 150-П22

(Извлечение)

По приговору Кировского областного суда от 18 января 2016 г. П., несудимый, осужден к лишению свободы: по ч. 2 ст. 209 УК РФ на шесть лет; по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ на девять лет; по ч. 1 ст. 222 УК РФ на один год шесть месяцев; по пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 163 УК РФ на два года. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний П. назначено наказание в виде тринадцати лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный П. просил об изменении вынесенных судебных решений, указывая в том числе на то, что при назначении наказания за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует применить ч. 2 ст. 62, ч. 3 ст. 66 УК РФ и смягчить наказание до семи лет лишения свободы.

Президиум Верховного Суда РФ 1 февраля 2023 г. удовлетворил надзорную жалобу по следующим основаниям.

При назначении П. наказания отягчающих обстоятельств судом не установлено, в качестве обстоятельств, смягчающих наказание по каждому из преступлений, суд признал наличие ма-

лолетнего ребенка, активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступлений.

В связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, наличием смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствием отягчающих наказание обстоятельств суд первой инстанции указал, что при назначении П. наказания по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ руководствуется положениями ст.ст. 62, 66 УК РФ.

Вместе с тем, применив при назначении наказания П. по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ положения ст. 62 УК РФ и назначив наказание в виде лишения свободы сроком на девять лет, суд первой инстанции не принял во внимание, что в силу ч. 3 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ за оконченное преступление. При этом в силу ч. 4 ст. 66 УК РФ смертная казнь и пожизненное лишение свободы за покушение на преступление не назначаются, а с учетом положений ч. 2 ст. 62 УК РФ в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Следовательно, наказание П. по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением положений ч. 3 ст. 66, ч. 2 ст. 62 УК РФ не могло превышать семь лет шесть месяцев лишения свободы.

Между тем по приговору суда П. по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ назначено наказание в виде девяти лет лишения свободы, что превышает установленные законом пределы.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. уточнено, что наказание П. назначено в соответствии с положениями ч. 2 ст. 62 УК РФ, однако вопреки требованиям закона назначенное наказание не было смягчено.

Таким образом, судом первой инстанции при назначении П. наказания за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, допущено существенное нарушение уголовного закона, что также повлияло на назначение ему справедливого наказания по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ и, соответственно, на исход дела.

В связи с изложенным, Президиум Верховного Суда РФ приговор и апелляционное определение в отношении П. изменил, назначенное

наказание по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ смягчил до семи лет пяти месяцев; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209, ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222, пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 163 УК РФ, путем частично-го сложения наказаний назначил П. двенадцать лет шесть месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

2. Адвокат не вправе занимать по уголовному делу позицию, противоречащую интересам своего подзащитного, за исключением случаев, когда он убежден в наличии самооговора

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2023 г. № 7-П23пр

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 7 апреля 2021 г. К., ранее судимый, осужден по п. “г” ч. 2 ст. 161, п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 24 июня 2021 г. приговор изменен, в соответствии с п. “б” ч. 31 ст. 72 УК РФ в срок наказания зачтено время содержания К. под стражей с 23 июля по 28 августа 2020 г. включительно, а также с 25 ноября 2020 г. до дня вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2022 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 24 июня 2021 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2022 г. в отношении К. оставлены без изменения.

В надзорном представлении заместителя Генерального прокурора РФ ставился вопрос об отмене апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 24 июня 2021 г., а также последующих судебных решений в отношении К. и передаче уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение. В надзорном представлении указывалось, что при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции адвокат К.Е., осуществлявшая защиту К., в нарушение требований ч. 7 ст. 49 УПК РФ, а также положений пп. 3 и 4 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с последующими изменениями) “Об адвокатской деятельности и ад-

вокатуры в Российской Федерации” занимала по делу позицию, которая прямо противоречила позиции и интересам защищаемого ею лица. Несмотря на то, что осужденный в судебных прениях еще до выступления адвоката К.Е. изменил свою позицию и сообщил о частичном признании своей вины, отрицая при этом нанесение ударов потерпевшему, т.е. поставил под сомнение не только установленные судом первой инстанции фактические обстоятельства, но и юридическую оценку содеянного по п. “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ, адвокат К.Е., вопреки позиции осужденного, заявила о правильности квалификации его действий и просила лишь о смягчении ему наказания.

Президиум Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г. удовлетворил надзорное представление по следующим основаниям.

В соответствии с чч. 1, 7 ст. 49 УПК РФ защитником является лицо, осуществляющее в установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

В силу ч. 2 ст. 47 УПК РФ это требование закона распространяется и на осужденного, т.е. обвиняемого, в отношении которого вынесен обвинительный приговор.

Исходя из положений пп. 3, 4 ч. 4 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (с последующими изменениями) “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” адвокат при оказании юридической помощи не вправе занимать по делу позицию вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самооговора доверителя; делать публичные заявления о доказанности вины доверителя, если тот ее отрицает.

Данное уголовное дело в отношении К. в суде апелляционной инстанции рассматривалось по апелляционным жалобам осужденного и адвоката К.Е., а также по апелляционному представлению государственного обвинителя.

Как усматривается из протокола судебного заседания, в начальной стадии судебного следствия осужденный К. поддержал “позицию” своего защитника. Адвокат К.Е., поддержав апелляционные жалобы, просила о пересмотре приговора по доводам, изложенным в поданной ею апелляционной жалобе, в которой оспаривалось решение суда о признанииотягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, а также утверждалось о наличии оснований для изменения в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ категории преступления, предусмотренного п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ, и для смягчения К. наказания, назначенного за каждое из преступлений, предусмотренных п. “г” ч. 2 ст. 161, п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Между тем в судебных прениях при апелляционном разбирательстве уголовного дела К., оспаривавший в апелляционной жалобе справедливость назначенного ему наказания, еще до выступления адвоката К.Е. изменил свою позицию.

Осужденный заявил, что свою вину он признает частично, при этом отрицал применение насилия к потерпевшему А., указав, что удары ему он не наносил; ссылаясь на недостоверность показаний последнего, а также на то, что судом не учтено заключение эксперта об отсутствии у А. телесных повреждений.

Тем самым, как обоснованно утверждает в надзорном представлении, осужденный К. оспорил фактические обстоятельства дела, установленные судом первой инстанции, а также юридическую оценку его действий в отношении потерпевшего А., квалифицированных по п. “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ как грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья.

Адвокат К.Е., участвовавшая в апелляционном рассмотрении уголовного дела в качестве защитника К. в судебных прениях, вопреки позиции осужденного и в нарушение вышеуказанных положений закона, просила лишь о смягчении ему наказания за преступления, предусмотренные п. “г” ч. 2 ст. 161, п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ, по доводам, изложенным в апелляционной жалобе.

Таким образом, позиция адвоката прямо противоречила позиции и интересам защищаемого ею лица, чем было нарушено гарантированное Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом право К. на защиту, которое включает в себя право обвиняемого (осужденного, в отношении которого вынесен обвинительный приговор) пользоваться помощью защитника при производстве по уголовному делу и является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях.

В силу ч. 1 ст. 401¹⁶ УПК РФ суд кассационной инстанции, проверяя законность обжалуемого судебного решения, не связан доводами кассационной жалобы или представления и вправе проверить производство по уголовному делу в полном объеме.

Однако Первый кассационный суд общей юрисдикции, как правильно отмечается в надзорном представлении, указанное нарушение закона, допущенное в ходе производства по уголовному делу в суде апелляционной инстанции, оставил без внимания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, не соглашаясь с доводами кассационного представления заместителя Генерального прокурора РФ относительно нарушения права осужденного на защиту в суде апелляционной инстанции, в своем определении указала следующее: К. “... ни в прениях сторон, ни в последнем слове не оспаривал свою причастность к содеянному, не отрицал свою вину в со-

вершении преступлений, не заявлял о противоречащей его воле позиции защитника”.

Вместе с тем в кассационной инстанции Верховного Суда РФ осужденный К., поддержав доводы кассационного представления заместителя Генерального прокурора РФ об отмене апелляционного определения, сообщил, что в суде апелляционной инстанции адвокат К.Е. “присутствовала номинально”; он не возразил на выступление адвоката, в котором она согласилась с квалификацией, поскольку “неграмотный”, а также ввиду “заболевания”. По мнению осужденного, нарушение его права на защиту повлияло на исход дела, повлекло назначение ему более строгого наказания.

Кроме того, само по себе частичное признание К. своей вины или причастности к преступлениям, на что указано в кассационном определении, не опровергает приведенные в кассационном представлении доводы о нарушении его права на защиту. Не свидетельствует об их необоснованности и то, что К. сразу после выступления адвоката, а также в последнем слове и в кассационной жалобе от 21 декабря 2021 г., поданной в Первый кассационный суд общей юрисдикции, не заявил о противоречащей его интересам позиции адвоката.

В связи с изложенным Президиум Верховного Суда РФ апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 24 июня 2021 г., определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2022 г., кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. в отношении К. отменил и передал уголовное дело в Верховный Суд Республики Мордовия на новое апелляционное рассмотрение. В отношении К. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок до 26 июля 2023 г.

3. Под незаконным проникновением лица в помещение либо иное хранилище, принадлежащее ему на праве собственности (ином праве), но переданное во временное владение и пользование другому лицу, в том числе безотносительно к тому, была ли соблюдена надлежащая гражданско-правовая форма такой передачи, как квалифицирующим признаком кражи, предусмотренной п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ, должно пониматься отсутствие предусмотренного законодательством, договором или иным соглашением основания для доступа лица внутрь принадлежащего ему объекта

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 июня 2023 г. № 11-П23

(Извлечение)

По приговору Котельниковского районного суда Волгоградской области от 12 февраля 2021 г. В. (судимый: 25 апреля 2009 г. по ч. 4 ст. 111 УК

РФ к пяти годам лишения свободы, освобожден 9 января 2013 г. по отбытии наказания; 18 июля 2019 г. по ч. 2 ст. 314¹ УК РФ к пяти месяцам лишения свободы, освобожден 26 ноября 2019 г. по отбытии наказания) осужден к лишению свободы: по п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ на один год девять месяцев; по ч. 1 ст. 105 УК РФ на семь лет пять месяцев; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений — на восемь лет три месяца с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда от 20 апреля 2021 г. приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 22 декабря 2021 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В представлении Председатель Верховного Суда РФ поставил вопрос о возобновлении производства по делу по жалобе В. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 31 марта 2023 г. № 13-П.

Президиум Верховного Суда РФ 28 июня 2023 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Конституционный Суд РФ 31 марта 2023 г. вынес Постановление № 13-П, в котором признал п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает, что под незаконностью проникновения в помещение либо иное хранилище в качестве квалифицирующего признака кражи должно пониматься отсутствие предусмотренного законодательством, договором или иным соглашением основания для доступа лица внутрь принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) объекта, подпадающего под признаки помещения либо иного хранилища по смыслу п. 3 примечаний к ст. 158 УК РФ и переданного во временное владение и пользование другому лицу, в том числе безотносительно к тому, была ли соблюдена надлежащая гражданско-правовая форма такой передачи.

Конституционно-правовой смысл п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ, выявленный в данном Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной практике.

На основании п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ (в редакции Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ) признание постановлением Конституционного Суда РФ нормативного акта или его отдельного положения не соответствующими Конституции Российской Федерации либо соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом РФ истолковании, с которым расходится используемое в приговоре, определении, постановлении суда толкование, в связи с обращением лица, к

которому нормативный акт или его отдельное положение применены в приговоре, определении или постановлении суда, а в случаях, предусмотренных Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации”, в связи с обращением иного лица, является основанием для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств.

Конституционный Суд РФ указал в Постановлении, что судебные решения, вынесенные по делу В. на основании п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

При этом соответствующие судебные решения могут быть оставлены в силе, если, исходя из фактических обстоятельств, будет установлено, что они основаны на истолковании п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ, не расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении.

Конституционный Суд РФ отметил, что передача лицом принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) имущества по договору во временное владение и пользование другому лицу предполагает необходимость установления ими в этом договоре или в ином соглашении сторон в соответствии с действующим законодательством оснований и порядка доступа собственника (владельца) внутрь переданного им объекта. Данный вопрос может быть решен сторонами по-разному, исходя из их прав и законных интересов, предмета и вида договора, назначения переданного объекта и нормативных требований к его использованию (эксплуатации). При этом передача собственником (владельцем) имущества по договору во временное владение и пользование другому лицу, ограничивая вещные права собственника (владельца), как правило, не лишает его права контроля за переданным имуществом.

Так, применительно к арендным отношениям пп. 1, 3 ст. 615 ГК РФ закрепляют, что арендатор обязан пользоваться арендованным имуществом в соответствии с условиями договора аренды или, если они в договоре не определены, в соответствии с назначением имущества, а в противном случае арендодатель имеет право потребовать расторжения договора и возмещения убытков. Тем самым арендодатель вправе осуществлять контроль за использованием арендованного имущества в соответствии с договором аренды либо с учетом назначения имущества.

Это предполагает возможность его доступа внутрь сданного им в аренду объекта лишь на условиях и в порядке, которые определяются законодательством, договором аренды, иным соглашением сторон. Стороны вправе предусмотреть право арендодателя на беспрепятственный доступ внутрь объекта в любое время. Поскольку арендуемый объект предоставлен собственником (владельцем) арендатору в его владение, то именно на последнем лежит обязанность обеспечивать доступ арендодателя внутрь объекта. При чем сбалансированности прав и законных интересов сторон договора аренды отвечало бы право арен-

датора знать о посещении арендодателем (уполномоченным им лицом) сданного в аренду объекта и присутствовать при таком посещении лично или через представителя.

Следовательно, собственник (владелец) имущества имеет право на доступ внутрь объекта, переданного им во временное владение и пользование другому лицу, при наличии законного основания для этого (согласие временного владельца, осуществление контроля за использованием переданного имущества, устранение чрезвычайных ситуаций, другие предусмотренные законодательством, договором или иным соглашением основания). Поэтому в соответствии с ч. 4 ст. 7 и ст. 297 УПК РФ при рассмотрении уголовного дела в отношении лица, обвиняемого по п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ в хищении чужого имущества из помещения либо иного хранилища, принадлежащего ему на праве собственности (ином праве) и переданного по договору во временное владение и пользование другому лицу, требуется установить на основе регулятивных норм, было ли ограничено в силу закона, договора или иного соглашения право доступа собственника (владельца) в указанное помещение либо иное хранилище, и если да, то в чем это ограничение заключалось. Неустранимые же сомнения в том, что такое ограничение было установлено, или в том, что у обвиняемого отсутствовало законное основание для такого доступа, должны в целях применения уголовной ответственности толковаться в его пользу.

Согласно приговору, В. осужден за кражу имущества потерпевшей с проникновением в помещение парикмахерской, расположенной на территории его домовладения.

Признав в действиях осужденного наличие квалифицирующего признака кражи “с незаконным проникновением в помещение”, судами надлежащим образом не исследовались вопросы о том, являлся ли В. собственником здания, в котором располагалась парикмахерская, на каких условиях было предоставлено потерпевшей это помещение, заключались ли с ней договор аренды помещения либо иное соглашение, имел ли право В. на каких-либо условиях посещать помещение, имелись ли основания в силу договора или соглашения для его доступа в парикмахерскую в отсутствие потерпевшей.

Поскольку судебные решения в части осуждения В. за кражу принимались без учета конституционно-правового смысла п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ, выявленного в Постановлении Конституционного Суда РФ от 31 марта 2023 г. № 13-П, то Президиум Верховного Суда РФ приговором Котельниковского районного суда Волгоградской области, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда, кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции в отношении В. в части осуждения по п. “б” ч. 2 ст. 158 УК РФ отменил, уголовное дело передал на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

4. Срок лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, надлежит засчитывать в срок лишения свободы, подлежащего отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта), посредством использования коэффициентов, установленных в настоящее время для зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 17 мая 2023 г. № 9-ПЗ

(Извлечение)

По приговору Псковского районного суда Псковской области от 9 сентября 2020 г. А., несудимый, осужден по п. “а” ч. 4 ст. 264 УК РФ к пяти годам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением всеми видами механических транспортных средств, сроком на три года.

А. назначено отбывание лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Мера пресечения в отношении А. в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении изменена на заключение под стражу в зале суда. Срок отбывания наказания в виде лишения свободы постановлено исчислять со дня вступления приговора в законную силу и зачесть в него в соответствии с п. “б” ч. 3¹ ст. 72 УК РФ время содержания А. под стражей с 9 сентября 2020 г. до дня вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Назначенное А. дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением всеми видами механических транспортных средств, сроком на три года постановлено исполнять самостоятельно.

В апелляционном порядке приговор не был обжалован.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2022 г. приговор изменен: А. назначено отбывание наказания в виде лишения свободы в колонии-поселении; в соответствии с п. “в” ч. 3¹ ст. 72 УК РФ определено зачесть в срок отбывания наказания время содержания А. под стражей с 9 сентября 2020 г. до дня вступления приговора в законную силу (26 сентября 2020 г.) из расчета один день содержания под стражей за два дня отбывания наказания в колонии-поселении.

Постановлением Островского городского суда Псковской области от 6 июля 2022 г. неотбытая А. часть наказания в виде лишения свободы сроком три года один месяц три дня в соответствии с чч. 1, 2, 4 ст. 80 УК РФ заменена наказанием в виде принудительных работ на тот же срок с удержанием из заработной платы осужденного 10% в доход государства. Постановлено освободить

доть А. 19 июля 2022 г. из учреждения ФКУ ИК-2 УФСИН России по Псковской области, возложив на осужденного обязанность следовать к месту отбывания наказания в виде принудительных работ за счет государственных средств самостоятельно в порядке, установленном ст. 60² УИК РФ. Дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на три года постановлено исполнять самостоятельно.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении А. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 15 марта 2023 г. № 8-П.

Президиум Верховного Суда РФ 17 мая 2023 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

А. осужден за нарушение правил дорожного движения при управлении автомобилем, повлекшее по неосторожности смерть человека, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения.

Преступление совершено 15 марта 2020 г. на территории Псковского района Псковской области при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

А. в своем обращении в Конституционный Суд РФ оспорил конституционность ч. 3¹ ст. 72 УК РФ, полагая, что данная норма, не предусматривая правил “льготного” зачета времени необоснованного нахождения лица в исправительной колонии общего режима в срок лишения свободы, подлежащий отбыванию в колонии-поселении, не компенсирует тем самым условий более жесткой изоляции от общества.

Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 15 марта 2023 г. № 8-П признал ч. 3¹ ст. 72 УК РФ не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее ст.ст. 2, 19 (ч. 1), 22 (ч. 1), 46 (ч. 1), 50 (ч. 3), 53, 54 (ч. 2) и 55 (ч. 3), в той части, в какой она по своему буквальному содержанию препятствует использованию ее судами в правоприменительной практике для целей дифференцированного по видам исправительных учреждений зачета времени лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы, подлежащий отбытию на основании судебного решения, постановленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта).

В названном Постановлении Конституционный Суд РФ, разрешая вопрос о порядке его исполнения, указал, в частности, что впредь до внесения федеральным законодателем в правовое регулирование изменений, вытекающих из постановления, засчитывать срок лишения свободы, отбытого лицом в ошибочно назначенном ему исправительном учреждении более строгого вида, в срок лишения свободы, подлежащего отбытию на основании судебного решения, поста-

новленного в результате пересмотра (отмены или изменения) первоначального приговора (иного судебного акта), надлежит посредством использования коэффициентов, установленных в настоящее время для зачета в срок лишения свободы времени содержания под стражей.

Поскольку Конституционный Суд РФ отметил, что правоприменительные решения, вынесенные по делу в отношении А. на основании ч. 3¹ ст. 72 УК РФ, подлежат пересмотру, то Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу в отношении А. ввиду новых обстоятельств, приговор Псковского районного суда Псковской области от 9 сентября 2020 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13 января 2022 г. в отношении А. в части решения, вынесенного на основании ч. 3¹ ст. 72 УК РФ, положения которой в вышеуказанной части признаны Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации, отменил с передачей уголовного дела в этой части на новое судебное рассмотрение в порядке ст.ст. 396, 397, 399 УПК РФ¹.

5. При решении вопроса, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения (ч. 2¹ ст. 37 УК РФ), суду следует принимать во внимание время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2022 г. № 67-УД22-6-К8

(Извлечение)

По приговору Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 10 сентября 2019 г. К.В., ранее не судимый, осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны.

Судебной коллегией по уголовным делам Новосибирского областного суда 10 июня 2021 г. приговор отменен, вынесен новый приговор, согласно которому К.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и ему назначено восемь лет лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

¹ Постановлением Псковского районного суда Псковской области от 31 августа 2023 г. зачтен срок отбытого А. наказания в исправительной колонии общего режима с 26 сентября 2020 г. до 3 февраля 2022 г. в соответствии с п. “в” ч. 3¹ ст. 72 УК РФ в срок отбывания наказания в виде лишения свободы из расчета один день пребывания в исправительной колонии общего режима за два дня отбывания наказания в колонии-поселении. Постановлено считать А. освободившимся 30 мая 2023 г. условно-досрочно по постановлению Великолукского городского суда Псковской области от 12 мая 2023 г. на десять месяцев двадцать девять дней.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2021 г. апелляционный приговор в отношении К.В. оставлен без изменения.

В кассационных жалобах осужденный и его защитник — адвокат У. выражали несогласие с апелляционным приговором и определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции, считали их незаконными и необоснованными, просили отменить указанные судебные решения и уголовное дело в отношении К.В. прекратить.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 2 июня 2022 г. кассационные жалобы удовлетворила, отметив следующее.

Судом апелляционной инстанции признано установленным, что в период с 22 ч. 00 мин. до 23 ч. 40 мин. 30 марта 2018 г. Д., К.А. и К.В. находились на придомовой территории жилого дома, расположенного на участке № 1 в садовом товариществе (далее — СНТ). В указанное время Д. на почве внезапно возникших в результате словесного конфликта личных неприязненных отношений нанес К.А. удар кулаком в область лица, от которого последний упал.

После этого у К.В. на почве внезапно возникшей личной неприязни к Д. сформировался умысел, направленный на умышленное причинение смерти Д., реализуя который, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде смерти Д. и желая ее наступления, К.В. приискал на придомовой территории указанного жилого дома топор и, применяя его как предмет, используемый в качестве оружия, с целью убийства с силой нанес им Д. не менее одного удара в голову. В результате полученных телесных повреждений потерпевший скончался.

Указанные действия К.В. судом апелляционной инстанции квалифицированы по ч. 1 ст. 105 УК РФ как убийство потерпевшего Д.

Показания К.В. о том, что смерть Д. он причинил, находясь в состоянии необходимой обороны, судом апелляционной инстанции отвергнуты как недостоверные и противоречащие представленным стороной обвинения доказательствам. При этом в апелляционном приговоре частично приведены показания К.В., данные им на предварительном следствии и в суде первой инстанции.

Как следует из протокола судебного заседания, К.В. пояснял суду, что в указанный день, в вечернее время, он вместе с супругой (Р.Н.), несовершеннолетним сыном (Р.И.) и младшим братом (К.А.) находился у себя в доме, расположенном в СНТ. На улице, возле забора его домовладения, застрелял чужой автомобиль, который пытались вытащить незнакомые лица. Он решил помочь им. Когда он вышел из дома и направился к застрявшему автомобилю, то увидел бегущего навстречу ему брата — К.А., который держался за лицо и кричал, что его ударили и брызнули в лицо из газового баллончика.

Вслед за братом на территорию его домовладения без разрешения проследовало несколько человек из тех, которым он намеревался помочь вытащить автомобиль. Кто-то из них брызнул ему в лицо из газового баллончика, отчего он почувствовал жжение в глазах, боль, слезотечение. Он также услышал нецензурную брань и угрозу, что “сейчас мы всех вас перебьем”. Восприняв данную угрозу как реальную для себя и своей семьи, видя агрессивно настроенных приближавшихся к нему молодых людей, которые, как он понял, находились в состоянии опьянения, он бросился бежать в сторону входа в дом, однако поскользнулся и упал. В это время кто-то сзади ударил его в бедро. Нашупав рукой предмет, похожий на палку, вставая, начал им отмахиваться от напавших на него людей, лиц которых ему не удалось разглядеть. В тот момент он не соображал, что оказалось у него в руках (“что попало, то и схватил”), поскольку находился во взволнованном состоянии и не мог открыть глаза по причине боли и жжения, вызванных распыленным ему в глаза слезоточивым газом. Указанный предмет он схватил, чтобы “дать отпор” после того, как его начали “пинать”. Через некоторое время смог открыть глаза и понял, что в руках у него находится топор, которым, как оказалось, он нанес удары по голове незнакомому ему Д., находившемуся в компании лиц, проникших на его территорию и угрожавших ему и его семье. При этом, как пояснял К.В., конфликт с напавшими на него парнями и причинение Д. телесных повреждений произошли возле его дома, на стене которого остались следы крови Д., а также следы от топора, оставленные в тот момент, когда он с закрытыми глазами “размахивал им наотмашь из стороны в сторону”. Проникшие на территорию его домовладения лица были агрессивно настроены, имели численное и физическое превосходство. Сам он (К.В.) является инвалидом III группы по общему заболеванию. После случившегося его родственниками на место происшествия была вызвана скорая медицинская помощь и сотрудники полиции. Позже ему стало известно о смерти Д., наступившей в автомобиле скорой медицинской помощи.

В подтверждение своих доводов об агрессивном поведении потерпевшего и его друзей, о распылении ими слезоточивого газа, а также о нанесении брату — К.А. удара в голову подсудимый К.В. ссылался на показания К.А., Р.Н., Р.И., допрошенных в судебном заседании в качестве свидетелей, которые подтвердили его показания и рассказали суду об обстоятельствах имевшего место конфликта с проникшими на территорию их домовладения лицами и о событиях, происходивших в их присутствии.

Сторона защиты также обращала внимание суда на доказательства, которые, по ее мнению, подтверждают показания подсудимого К.В.:

выводы, содержащиеся в заключении судебно-медицинской экспертизы № 2091, и дополнительной экспертизы № 3 848Д/2091-2018, из которых следует, что у К.А. имелись телесные

повреждения: закрытая черепно-мозговая травма в виде сотрясения головного мозга, кровоизлияние в оболочку глаза, которая образовалась от воздействия твердого тупого предмета (предметов) в срок около 3—5 суток до осмотра, возможно в срок и при обстоятельствах, указанных К.А., т.е. в ночь с 30 на 31 марта 2018 г. Данная травма оценивается как легкий вред здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья;

заключение судебно-медицинской экспертизы трупа Д., установившей причины смерти потерпевшего, из которого следует, что при судебно-химической экспертизе крови от трупа обнаружен этиловый спирт в количестве 2,71 промилле, что применительно к живым лицам соответствует сильной степени алкогольного опьянения;

протоколы осмотра места происшествия (частного жилого дома № 1 в СНТ и прилегающей к нему территории), согласно которым на поверхности стены дома, которое указывал К.В. и его родственники, как место нападения Д. на К.В., обнаружены следы вещества бурого цвета в виде множественных потеков и пятен, у стены дома поверхность снежного покрова также обильно испачкана пятнами вещества бурого цвета, которое, согласно выводам эксперта, является кровью, происхождение данной крови возможно от Д.;

показания свидетеля З., пояснившего суду, что в указанный день, в ночное время, ему позвонил К.А. и сказал: “Помогите, бьют, убивают!”, он также слышал в трубке телефона посторонние голоса, которые говорили: “Кому ты там звонишь?”, и звонок прервался;

показания свидетеля Б. (председателя СНТ) о том, что в ночное время он услышал шум на дороге перед участком К., увидел застрявший автомобиль, слышал агрессивные и неадекватные крики мужчин, нецензурную брань, затем увидел пропущенные звонки от Р.Н., он ей перезвонил, и она взволнованным и дрожащим голосом сказала ему: “Помогите, убивают!”;

показания свидетеля И. — сотрудника полиции, прибывшего на место происшествия, который рассказал суду о поступившем в дежурную часть отделения полиции в ночь с 30 на 31 марта 2018 г. сообщении о том, что 4 или 5 мужчин ворвались на участок домовладения К.В., где произошла драка; непосредственно после происшествия он (свидетель) видел лежавшего возле угла дома мужчину с явным повреждением в области головы, а также пятна крови вокруг. При этом со слов К.В. ему стало известно, что знакомые мужчины ворвались на участок, у них произошла драка; подробностей произошедшего конфликта К.В. не объяснял. Сын К.В. дал аналогичные объяснения, пояснив, что к ним ворвались какие-то люди, ему и матери “прыснули в лицо” из газового баллончика. Он был с красным лицом, но глаза были открыты и он их тер. У К.В. на лице были покраснения.

Сведения, на которые ссылалась сторона защиты, в том числе показания свидетелей, оценены судом в апелляционном приговоре как подтверждающие виновность К.В. в убийстве Д. и без учета положений ст. 87 УПК РФ о том, что проверка доказательств производится судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также требований ст.ст. 307, 389³¹ УПК РФ о том, что описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать в том числе доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

Доводы К.В., утверждавшего, что ранее незнакомые ему участники конфликта изначально вели себя агрессивно, и он слышал, как они ломали забор, суд отверг, сославшись на протокол осмотра места происшествия и указав в приговоре, что забор домовладения К. повреждений не имеет.

Однако, как видно из протокола осмотра места происшествия от 1 апреля 2018 г. и приложенных к нему схемы и фототаблицы, были обнаружены повреждения в деревянном заборе соседнего с домовладением К. дома, а также фрагменты обломанных досок.

Суд в приговоре привел показания свидетелей З., Н., И. и Г., находившихся во время конфликта вместе с Д., признав их достоверными.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции отверг показания К.В., а также свидетелей К.А. и Р., сославшись на то, что данные лица состоят в близком родстве с осужденным и потому их показания “вызваны желанием помочь близкому человеку избежать ответственности за содеянное”.

Такой подход к оценке доказательств, избранный судом апелляционной инстанции, не может быть признан обоснованным и отвечающим правилам ст. 88 УПК РФ, поскольку аналогичный принцип оценки доказательств (с точки зрения заинтересованности лиц) мог быть применен и к показаниям друзей погибшего Д.: свидетелей З., Н., И. и Г., о которых указывал подсудимый К.В. как об участниках конфликта, находившихся (кроме З.) в состоянии алкогольного опьянения и незаконно проникших на территорию его домовладения.

Важно также учитывать, что при проверке доводов подсудимого о совершении общественно опасного деяния в состоянии необходимой обороны суд обязан исходить из принципа презумпции невиновности, в том числе учитывать, что подсудимый не обязан доказывать свою невиновность или наличие в его действиях признаков менее тяжкого преступления. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых обвиняемым в свою защиту, лежит на стороне обвинения, а все сомнения в наличии состояния необходимой обороны и (или) виновности лица, обвиняемого в превышении ее пределов, которые не могут быть устранены в порядке, предусмотренном Уголовно-процес-

суальным кодексом РФ, толкуются в пользу подсудимого (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление” (в ред. от 31 мая 2022 г.).

Утверждение суда апелляционной инстанции о том, что при наличии опасности для К.В. и членов его семьи в связи с нападением на них Д. и его друзей ничто не препятствовало ему и членам его семьи вызвать сотрудников полиции и обратиться к ним за помощью, противоречит требованиям уголовного закона о праве на необходимую оборону от преступного посягательства.

Судом апелляционной инстанции также не приняты во внимание разъяснения, данные в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ о том, что положения ст. 37 УК РФ в равной мере распространяются на всех лиц, находящихся в пределах действия Уголовного кодекса РФ, независимо от профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, от того, причинен ли лицом вред при защите своих прав или прав других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти (п. 1).

При решении вопроса, являлись ли для оборонявшегося лица неожиданными действия посягавшего, вследствие чего оборонявшийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения (ч. 2¹ ст. 37 УК РФ), суду следует принимать во внимание время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние оборонявшегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т.п.). В зависимости от конкретных обстоятельств дела неожиданным может быть признано посягательство, совершенное, например, в ночное время с проникновением в жилище, когда оборонявшееся лицо в состоянии испуга не смогло объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства (п. 4).

Между тем, как видно из материалов уголовного дела, события происходили в ночное время суток на территории СНТ в безлюдном месте; как пояснял подсудимый К.В. и находившиеся в доме его родственники, потерпевший Д. и его друзья вели себя агрессивно, находились в состоянии опьянения, имели численное и физическое превосходство, проникли на территорию домовладения К. без разрешения.

Данные обстоятельства не получили надлежащей оценки в апелляционном приговоре.

Кроме того, суд апелляционной инстанции не признал наличие у К. смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. “з” ч. 1 ст. 61 УК РФ (противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления), указав, что инициаторами конфликта явились родственники

осужденного, К.В. первым нанес удар Н.Е., после чего в ответ на неправомерные действия Р., распылившего неустановленное вещество из баллончика, Д. нанес удар К.А.

Однако такое утверждение суда апелляционной инстанции противоречит его же выводам, изложенным в приговоре при описании преступного деяния, согласно которым судом установлено, что К.В. нанес удары топором Д. после того, как последний на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений нанес удар кулаком в область лица К.А. (брату осужденного), от которого тот упал.

Поскольку указанные нарушения закона не были устранены судебной коллегией по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции, то кассационное определение от 1 декабря 2021 г. не может быть признано законным и обоснованным, отвечающим требованиям ч. 4 ст. 7, ч. 3 ст. 401¹⁴ УПК РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ апелляционный приговор Новосибирского областного суда и кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции отменила, а уголовное дело передала на новое апелляционное рассмотрение¹.

6. Об умысле виновного на распространение порнографических материалов свидетельствуют наличие у него профессиональных навыков и осведомленность об особенностях компьютерных программ, которые осознанно использовались для предоставления общего доступа к порнографическим материалам (путем размещения на персональном компьютере в папках с правом доступа неопределенного круга лиц)

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 мая 2022 г. № 47-УДП22-3-К6

(Извлечение)

По приговору Ленинского районного суда г. Оренбурга от 20 февраля 2021 г. Ш. осужден по пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 242¹ УК РФ.

Апелляционным приговором судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 25 июня 2021 г. приговор отменен, Ш. оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 242¹ УК РФ, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. За Ш. признано право на реабилитацию.

¹ Апелляционным приговором судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 15 ноября 2022 г. приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 10 сентября 2019 г. в отношении К. отменен. По делу постановлен оправдательный приговор, которым К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, оправдан на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в его деянии состава преступления.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 2 ноября 2021 г. апелляционный приговор оставлен без изменения, кассационное представление прокурора — без удовлетворения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил об отмене апелляционного приговора и кассационного определения в отношении Ш. Он указывал, что выводы суда апелляционной инстанции об отсутствии доказательств того, что видеофайлы с порнографическими изображениями несовершеннолетних были распространены Ш., т.е. получены другими лицами в результате его активных целенаправленных действий, противоречат материалам дела. Ш. на протяжении нескольких лет намеренно обеспечивал другим пользователям массовый доступ к порнографическим материалам, раздавая эти файлы, сообщая нужные для копирования (скачивания) ссылки. В представлении также обращено внимание на то, что информация порнографического характера с участием несовершеннолетних с компьютера Ш. была передана другим пользователям сети “Интернет” в объеме 566 ГБ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 19 мая 2022 г. отменила апелляционный приговор и кассационное определение в отношении Ш., уголовное дело передала на новое апелляционное рассмотрение в связи со следущим.

В силу ст. 401⁶ УПК РФ пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Такие нарушения закона по данному делу допущены судом апелляционной инстанции.

В соответствии с положениями ст. 305 УПК РФ в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора должны быть указаны существо предъявленного обвинения, изложены обстоятельства дела, установленные судом, приведены основания оправдания подсудимого и доказательства, их подтверждающие, а также мотивы, по которым суд отверг доказательства, представленные стороной обвинения.

При этом доказательства могут быть положены в основу выводов суда лишь после их проверки и оценки по правилам, установленным ст.ст. 87, 88 УПК РФ.

Ш. обвинялся в приобретении, хранении в целях распространения и распространении материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в том числе лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, с использованием информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”.

По предъявленному обвинению в отношении Ш. Ленинским районным судом г. Оренбурга 20 февраля 2021 г. постановлен обвинительный приговор.

Суд установил следующее. Обладая достаточными и специальными познаниями в сфере компьютерных технологий, имея диплом, подтверждающий квалификацию инженера по специальности “Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем”, осуществляя трудовую деятельность в качестве ведущего инженера-программиста, с целью распространения материалов с порнографическим изображением несовершеннолетних, в том числе лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, используя информационную сеть “Интернет”, Ш. установил на жесткий магнитный диск своего персонального компьютера программы “uTorrent” и “eMule”, что возможно только через одобрение специальных пользовательских соглашений, открывающих следующие функции: при помощи программы “uTorrent” файлы автоматически становятся доступными для скачивания другими пользователями сети “Интернет”; в программе “eMule” при создании папок обмена раздача файлов настраивается пользователем данной программы. Далее Ш. создал папки, в которые с целью последующего распространения загрузил и в них хранил аудиовизуальные записи порнографического характера с изображением несовершеннолетних, в том числе лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, достоверно зная о том, что они доступны другим пользователям сети “Интернет”, тем самым распространял указанные материалы.

Опровергая показания Ш., которые даны им в судебном заседании, как не нашедшие своего подтверждения, суд положил в основу обвинительного приговора его показания, данные в период предварительного следствия, согласно которым он признал себя виновным в совершении преступлений. Эти показания и явку с повинной суд признал достоверными, отметив, что они подтверждены показаниями свидетелей, протоколами осмотра изъятого у Ш. системного блока, сведениями об объеме переданной иным лицам информации порнографического содержания с изображением несовершеннолетних, заключениями и показаниями экспертов.

Отменив обвинительный приговор, суд апелляционной инстанции указал, что в материалах дела отсутствуют и в приговоре не приведены доказательства, свидетельствующие о том, что видеофайлы с порнографическими изображениями несовершеннолетних хранились Ш. с целью распространения и были распространены в результате его целенаправленных действий. Наличие на компьютерах Ш. программ, позволяющих другим пользователям самостоятельно в автоматическом режиме скачивать файлы, осведомленность об этом Ш. не свидетельствуют об умысле на совершение преступления.

Суд апелляционной инстанции, оценив каждое из исследованных судом доказательств как не подтверждающее виновность осужденного, при-

шел к выводу об отсутствии в действиях Ш. состава преступления.

В частности, в апелляционном приговоре приведены результаты компьютерно-технической экспертизы изъятого у Ш. системного блока и экспертизы содержащейся в нем информации в подтверждение вывода о том, что скачивание порнографической информации с компьютера Ш. производилось другими пользователями в автоматическом режиме без участия Ш.

Между тем указанный выше вывод не следует из заключений экспертов, согласно которым на системном блоке в ноябре 2009 г. установлены программы “eMule” и “uTorrent”; в директории “М.” обнаружены видеоматериалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, в том числе лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста; обмен файлами с другими пользователями из данной папки производился с помощью программ “uTorrent” и “eMule”; раздача информации с помощью программы “uTorrent” настраивается пользователем программы путем указания папок, из которых он разрешает скачивание информации; в программе “eMule” для организации обмена файлами пользователь указывает местонахождение включенных в раздачу файлов; указанным способом из разрешенной Ш. к раздаче папки “М.” передано другим пользователям 566 ГБ информации.

Из показаний Ш., данных в период предварительного следствия, следует, что с помощью установленных им на свой персональный компьютер программ “uTorrent” и “eMule” он скачивал и просматривал видео с детской порнографией, при этом намеренно обменивался файлами данного содержания с другими пользователями сети “Интернет”. Имея профессиональные навыки, он знал особенности настройки данных программ и их использования. В настройках программы “eMule” автоматическая раздача скачанных или хранящихся на компьютере файлов отсутствует, в связи с чем для обеспечения возможности их скачивания другими пользователями Ш. специально указал директорию с раздаваемыми им файлами порнографического характера. Особенную редкую детскую порнографию он коллекционировал для обмена с другими любителями таких материалов. В период с 2000 по 2015 год он неоднократно запускал программу для поиска соответствующих видеороликов, делал это с подключенной папкой с детским порнографическим материалом, знал, что он будет раздаваться другим пользователям, которые его скачивали. Раздачу таких файлов он включал на несколько часов.

В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела.

В нарушение указанной нормы закона приведенные выше показания Ш. в апелляционном приговоре не упомянуты, несмотря на то, что недопустимыми не признавались, им не была дана оценка на предмет их достоверности, в то время как они подлежали такой оценке по итогам со-

поставления с другими доказательствами, в том числе с экспертными заключениями.

Следовательно, выводы суда апелляционной инстанции об отсутствии в действиях Ш. состава преступления, предусмотренного пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 242¹ УК РФ, сделаны на основании доказательств, правила оценки которых существенно нарушены. Постановленный при таких обстоятельствах оправдательный приговор не может быть признан законным и обоснованным.

Судом кассационной инстанции допущенные нарушения не были устранены.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила апелляционный приговор и кассационное определение в отношении Ш. и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение¹.

7. Если в отношении лица имеется вступившее в законную силу постановление суда об отмене условного осуждения и о снятии судимости по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 74 УК РФ, и в дальнейшем установлено, что это лицо в период испытательного срока совершило новое преступление, за которое оно осуждается после истечения испытательного срока по первому приговору, то правила ст. 70 УК РФ могут применяться только при условии, что постановление суда отменено в установленном законом порядке

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 6 октября 2022 г. № 7-УД22-10-К2*

(Извлечение)

По приговору Октябрьского районного суда г. Иваново от 7 ноября 2019 г. Б. (судимый 15 июня 2017 г. по пп. “а”, “б”, “в” ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “б” ч. 2 ст. 158, ст. 324 УК РФ, на основании ч. 2 ст. 69, ст.ст. 71, 73 УК РФ к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком три года) осужден: по ч. 2 ст. 159 УК РФ к одному году шести месяцам лишения свободы, по ч. 2 ст. 159 УК РФ (три преступления) — к одному году семи месяцам лишения свободы за каждое, по ч. 2 ст. 159 УК РФ (два преступления) — к одному году восьми месяцам лишения свободы за каждое, по ч. 2 ст. 159 УК РФ (два преступления) — к двум годам лишения свободы за каждое, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159 УК РФ (два преступления) — к одному году пяти месяцам лишения свободы за каждое, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159 УК РФ (шесть преступлений) — к одному году шести месяцам лишения свободы за каждое.

На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Б. назначено три года восемь месяцев лишения свободы.

¹Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда от 20 июля 2022 г. приговор в отношении Ш. в части квалификации деяния по пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 242¹ УК РФ оставлен без изменения.

В соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое наказание по приговору от 15 июня 2017 г. и окончательно Б. назначено четыре года восемь месяцев лишения свободы в исправительной колонии общего режима.

Апелляционным постановлением Ивановского областного суда от 17 января 2020 г. приговор в отношении Б. оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 г. приговор и апелляционное постановление в отношении Б. оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Б., указывая на незаконность состоявшихся в отношении его судебных решений, просил их изменить, исключить назначение ему окончательного наказания по правилам ст. 70 УК РФ, поскольку по приговору от 15 июня 2017 г. условное осуждение было отменено со снятием судимости 6 февраля 2019 г., т.е. до вынесения обжалуемого приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 6 октября 2022 г., проверив доводы кассационной жалобы, пришла к следующим выводам.

Как следует из материалов дела, Б. осужден по приговору от 15 июня 2017 г. к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком три года.

Постановлением от 6 февраля 2019 г., вступившим в законную силу 19 февраля 2019 г., на основании ч. 1 ст. 74 УК РФ условное осуждение в отношении Б. было отменено со снятием судимости по данному приговору.

Вместе с тем, назначая окончательное наказание по обжалуемому приговору, суд применил положения ст. 70 УК РФ, частично присоединив к назначенному наказанию неотбытое наказание по приговору от 15 июня 2017 г., мотивируя свое решение тем, что, несмотря на наличие постановления суда от 6 февраля 2019 г. об отмене условного осуждения и снятии судимости, 12 преступлений совершены Б. с 15 октября 2017 г. по 5 февраля 2019 г., т.е. в период испытательного срока, установленного указанным приговором.

Суд апелляционной инстанции в постановлении от 17 января 2020 г. пришел к выводу, что судом первой инстанции правильно применены правила ч. 4 ст. 74 и ст. 70 УК РФ, отметив при этом, что, как следует из материалов дела, часть новых преступлений Б. совершил в период условного осуждения до решения о его отмене со снятием судимости.

В кассационном определении от 18 ноября 2021 г. указано: по смыслу ч. 4 ст. 74 УК РФ суд решает вопрос о сохранении или отмене испытательного срока при совершении преступления небольшой или средней тяжести в период испытательного срока, поэтому при решении вопроса об отмене испытательного срока и о назначении наказания по правилам ст. 70 УК РФ в такой си-

туации следует исходить из момента совершения преступления, а не вынесения приговора. При этом не имеют значения основания окончания испытательного срока после совершения преступления — досрочно по судебному решению, вынесенному на основании ч. 1 ст. 74 УК РФ, либо по его истечении.

Таким образом, нижестоящие суды, полагая возможным назначение окончательного наказания на основании ст. 70 УК РФ, исходили из достаточности того факта, что ряд преступлений по второму приговору совершены в период испытательного срока до решения суда, вынесенного в порядке исполнения приговора об отмене условного осуждения и о снятии судимости.

В п. 54 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания” разъясняется, что правила ст. 70 УК РФ применяются и тогда, когда лицо в период испытательного срока совершило новое преступление, за которое оно осуждено после истечения испытательного срока по первому приговору.

Однако приведенная правовая позиция не распространяется на ситуации, когда до вынесения второго приговора постановлением суда отменяется условное осуждение по первому приговору со снятием судимости на основании ч. 1 ст. 74 УК РФ.

В этих случаях судимость считается снятой только со дня вступления в законную силу судебного решения, вынесенного на основании указанной нормы.

Таким образом, наряду с досрочным снятием судимости в этом судебном постановлении отменяется назначенное по первому приговору вместо реального наказания условное осуждение к лишению свободы.

При таких обстоятельствах, учитывая наличие неотмененного судебного решения, вынесенного на основании ч. 1 ст. 74 УК РФ, повторно отменять условное осуждение недопустимо, в том числе и в случаях установления по второму приговору факта совершения новых преступлений в период испытательного срока по первому приговору.

Из изложенного следует, что если лицо в период испытательного срока совершило новое преступление, за которое оно осуждается после истечения испытательного срока по первому приговору, то правила ст. 70 УК РФ могут применяться только при условии, что условное осуждение по первому приговору ранее не отменялось судом в порядке ч. 1 ст. 74 УК РФ.

Вместе с тем суд, располагая сведениями о наличии неотмененного постановления от 6 февраля 2017 г. и отменяя условное осуждение по приговору от 15 июня 2017 г., фактически принял на себя полномочия по пересмотру вступившего в законную силу решения суда равнозначного уровня, что противоречит требованиям уголовного-процессуального закона.

Данные обстоятельства не были приняты во внимание судами апелляционной и кассационной инстанций при рассмотрении уголовного дела в отношении Б.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, апелляционное постановление и кассационное определение в отношении Б.: исключила указание на наличие судимости Б. по приговору от 15 июня 2017 г., на отмену в соответствии с ч. 4 ст. 74 УК РФ условного осуждения по приговору от 15 июня 2017 г., а также на назначение окончательного наказания на основании ст. 70 УК РФ и на зачет в срок отбытия наказания в виде лишения свободы времени содержания Б. под стражей по приговору от 15 июня 2017 г. с 13 апреля по 15 июня 2017 г.

Эти же судебные решения в части осуждения Б. на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 УК РФ (восемь преступлений) и ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 159 УК РФ (восемь преступлений), к трем годам восьми месяцам лишения свободы в исправительной колонии общего режима, оставлены без изменения.

8. Наличие судимостей у лица, в отношении которого с учетом данных судимостей установлен административный надзор, при назначении наказания за преступление, предусмотренное ст. 314¹ УК РФ, не подлежит учету в качестве отягчающего обстоятельства, указанного в п. “а” ч. 1 ст. 63 УК РФ

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 5 апреля 2022 г. № 57-УД22-3-К1*

(Извлечение)

По приговору Новооскольского районного суда Белгородской области от 10 сентября 2019 г., оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, С., ранее судимая: 6 июня 2017 г. по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к одному году исправительных работ с удержанием из заработной платы 15% в доход государства (5 декабря 2017 г. на основании постановления суда неотбытая часть наказания в виде исправительных работ заменена лишением свободы сроком на два месяца восемнадцать дней); 12 декабря 2017 г. по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к одиннадцати месяцам лишения свободы, на основании ст.ст. 70, 71 УК РФ — к одному году лишения свободы, освобождена 23 ноября 2018 г. по отбытии наказания, осуждена по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ к шести месяцам лишения свободы и по ч. 3 ст. 30, п. “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ к трем годам лишения свободы.

В кассационной жалобе С. ссылаясь на чрезмерную суровость назначенного ей наказания и просила о смягчении наказания с учетом признания вины и раскаяния в содеянном.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 5 апреля 2022 г. изменила при-

говор и последующие судебные решения ввиду следующего.

В качестве обстоятельства, отягчающего наказание по обоим преступлениям, в совершении которых С. признана виновной, судом был принят во внимание рецидив преступлений.

Принимая данное решение, суд не учел, что в силу ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Осуждению С. по приговору от 10 сентября 2019 г. предшествовали следующие обстоятельства. По решению Новооскольского районного суда Белгородской области от 22 марта 2019 г. на основании п. 2 ч. 1 и п. 2 ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ “Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы” в отношении С. установлен административный надзор, поскольку, будучи освобожденной из мест лишения свободы и имея непогашенную и неснятую судимость за совершение преступления при рецидиве преступлений, С. совершила в течение одного года два административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. С., являясь лицом, в отношении которого решением суда от 22 марта 2019 г. установлен административный надзор, покинула 19 апреля 2019 г. избранное ею место проживания и не прибыла к новому месту своего пребывания, находясь до 30 мая 2019 г. в неустановленном месте. За совершение этих действий С. осуждена по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ как за уклонение от административного надзора.

Таким образом, наличие у С. двух судимостей, образующих рецидив преступлений, послужило основанием не только для установления в отношении ее административного надзора, но и для признания С. как лица, в отношении которого установлен административный надзор, субъектом преступления, предусмотренного ст. 314¹ УК РФ.

При таких данных повторный учет судом в качестве обстоятельства, отягчающего наказание С., назначенного по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ, рецидива преступлений не может быть признан соответствующим закону.

Вместе с тем указанное обстоятельство сохраняет свое значение как отягчающее наказание при осуждении С. по ч. 3 ст. 30, п. “в” ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку при квалификации этого преступления оно учтено не было.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила судебные решения в отношении С.: в части назначения наказания исключила указание на признание обстоятельством, отягчающим наказание по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ, рецидива преступлений и снизила назначенное по ч. 1 ст. 314¹ УК РФ наказание до четырех месяцев лишения свободы.

**Право на внеочередное обеспечение жильем
военнослужащего, имеющего троих
и более детей, которые проживают совместно
с ним, законодательством не поставлено
в зависимость от достижения детьми
восемнадцатилетнего возраста**

*Определение Судебной коллегии
по делам военнослужащих Верховного Суда РФ
от 26 сентября 2023 г. № 222-КАД23-17-К10*

(Извлечение)

Решением Солнечногорского гарнизонного военного суда от 6 сентября 2022 г., оставленным без изменения апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда от 8 декабря 2022 г., Г. отказано в удовлетворении административного искового заявления в той части, в которой он просил признать незаконным решение заместителя начальника филиала “Московский” ФГАУ “Росжилкомплекс” от 7 июля 2022 г. об отказе в принятии административного истца и членов его семьи на учет нуждающихся в жилых помещениях с учетом его права на внеочередное обеспечение жильем в связи с нахождением на иждивении троих детей.

Кассационным определением кассационного военного суда от 28 февраля 2023 г. судебные акты судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда РФ 26 сентября 2023 г. судебные акты отменены в части отказа в постановке административного истца и членов его семьи на учет нуждающихся в жилых помещениях с учетом его права на обеспечение жильем вне очереди, и по делу в указанной части принято новое решение об удовлетворении требований Г. по следующим основаниям.

По делу установлено, что Г., проходивший военную службу по контракту с июля 2001 г. по 5 августа 2022 г., 14 сентября 2021 г. обратился в “Московский” ФГАУ “Росжилкомплекс” с заявлением о постановке на жилищный учет с учетом права на внеочередное обеспечение жильем. К заявлению он приложил документы, подтверждающие проживание совместно с ним и нахождение на его иждивении троих детей, в том числе дочери О., родившейся 25 августа 2003 г. и обучающейся по очной форме обучения в Российском химико-технологическом университете имени Д.И. Менделеева.

Решением заместителя начальника филиала “Московский” ФГАУ “Росжилкомплекс” от 7 июля 2022 г. административный истец поставлен на учет нуждающихся в жилом помещении с учетной категории — очередник по избранному постоянному месту жительства.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении административного искового заявления в части признания за Г. права на получение жилого помещения вне очереди, суд первой инстанции исходил из положений п. 1 ст. 54 и п. 2 ст. 61 Семей-

ного кодекса РФ, в соответствии с которыми ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), и по достижении лицом указанного возраста родительские права в отношении его прекращаются. Следовательно, как посчитал суд, гарантия на внеочередное обеспечение жилым помещением распространяется только на тех военнослужащих, все дети которых (трое и более) не достигли совершеннолетия.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с выводами гарнизонного военного суда.

При этом судами не применен закон, подлежащий применению в данном деле.

В соответствии с п. 3 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих” социальная защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, федеральными государственными органами, органами военного управления и органами местного самоуправления. Право военнослужащих на жилище закреплено в ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, в соответствии с абз. 1 п. 1 которой государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления им жилых помещений в порядке и на условиях, установленных названным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

В свою очередь, внеочередное право обеспечения жилыми помещениями военнослужащих, имеющих троих и более детей, установлено в п. 17 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, в соответствии с которым денежные средства на приобретение или строительство жилых помещений либо жилые помещения в собственность бесплатно или по договору социального найма вне очереди предоставляются военнослужащим-гражданам и гражданам, уволенным с военной службы, имеющим троих и более детей, проживающих совместно с военнослужащими-гражданами и гражданами, уволенными с военной службы.

В суде установлено, что с административным истцом совместно проживают трое детей, двое из них несовершеннолетние, а старшая дочь О. в возрасте до 23 лет обучается в образовательной организации по очной форме обучения.

Согласно п. 5 ст. 2 Федерального закона “О статусе военнослужащих” к членам семей военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, на которых распространяются установленные названным Федеральным законом социальные гарантии, компенсации, если иное не установлено этим Федеральным законом, другими федеральными законами, относятся в том числе дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в обра-

зовательных организациях по очной форме обучения.

Следовательно, административный истец правомерно поставил вопрос о предоставлении ему жилья вне очереди.

То обстоятельство, что старшая дочь Г. на момент постановления его на жилищный учет достигла возраста совершеннолетия, не препятствует реализации им права на внеочередное обеспечение жильем, поскольку законом (как Федеральным законом “О статусе военнослужащих”, так и Семейным кодексом РФ, в том числе примененными судом первой инстанции ст.ст. 54 и 61 названного Кодекса) такое право не поставлено в зависимость от достижения детьми военнослужащего восемнадцатилетнего возраста.

Более того, Федеральным законом “О статусе военнослужащих” установлен разный объем со-

циальных гарантий по возрастному критерию: для военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, имеющих детей (п. 4 ст. 10, п. 17 ст. 15, п. 6 ст. 19, п. 5 ст. 23 Закона) и несовершеннолетних детей (п. 4 ст. 24 Закона), что указывает на их адресный характер. Как следует из п. 17 ст. 15 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, в названной норме термин “несовершеннолетние дети” не применен.

Таким образом, вывод в судебных актах о законности решения уполномоченного жилищного органа в части принятия Г. и членов его семьи на учет нуждающихся в жилых помещениях в порядке общей очереди основан на неправильном применении норм материального права, а утверждение судов об отсутствии права административного истца на получение жилья вне очереди является ошибочным.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Предметом судебного обжалования по ст. 125 УПК РФ выступает не сам по себе отказ прокурора в удовлетворении обращения лица, а непосредственно те действия (бездействие) и решения органов дознания, их должностных лиц или следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Четвертого кассационного суда общей юрисдикции
от 3 марта 2021 г.*

(Извлечение)

По постановлению Лазаревского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 7 февраля 2018 г., оставленному судом апелляционной инстанции без изменения, жалоба представителя В., действовавшего в интересах С., поданная в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление прокурора Лазаревского района г. Сочи Краснодарского края от 15 декабря 2017 г. об отказе в удовлетворении жалобы Р. в защиту интересов С. на постановление следователя от 30 сентября 2017 г. об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам проверки, оставлена без удовлетворения.

В кассационной жалобе В. утверждал, что выводы судов первой и второй инстанций противоречат требованиям закона, поскольку обжалуемое постановление прокурора, в котором отсутствовала оценка доводов жалобы и мотивировка решения, было признано законным и не нарушающим конституционные права С.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 20 января 2021 г. кассационная жалоба В. вместе с судебным материалом передана на рассмотрение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции 3 марта 2021 г. постановление суда и апелляционное постановление отменила, производство по жалобе В. прекратила по следующим основаниям.

В силу ст. 125 УПК РФ судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений органа дознания, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные их действия (бездействие) и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Судом установлено, что 30 сентября 2017 г. следователем вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 285 и п. “а” ч. 3 ст. 286 УК РФ в отношении сотрудников полиции М. и Е. на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в их деянии состава преступления.

Представителем С. — Р. 6 декабря 2017 г. на указанное постановление следователя прокурору Лазаревского района г. Сочи направлена жалоба в порядке ст. 124 УПК РФ.

Постановлением прокурора Лазаревского района г. Сочи от 15 декабря 2017 г. отказано в удовлетворении жалобы Р. в защиту интересов С.

Суд первой инстанции оставил жалобу В. на данное постановление прокурора без удовлетворения, при этом пришел к выводу о том, что на-

рушений конституционных прав и свобод С. не допущено.

Вместе с тем в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 3¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 “О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”, если лицо не согласно с постановлением прокурора или руководителя следственного органа, вынесенным в соответствии со ст. 124 УПК РФ, то предметом судебного обжалования выступает не сам по себе отказ прокурора или руководителя следственного органа в удовлетворении обращения лица, а непосредственно те действия (бездействие) и решения органов дознания, их должностных лиц или следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Таким образом, постановление прокурора от 15 декабря 2017 г. об отказе в удовлетворении жалобы Р. в защиту интересов С. на постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела не может быть предметом судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ.

Судом апелляционной инстанции данное нарушение закона устранено не было.

Допущенные судом первой инстанции и не устраненные судом апелляционной инстанции нарушения уголовно-процессуального закона признаны существенными, повлиявшими на исход дела, что в силу ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ явилось основанием для отмены состоявшихся судебных решений.

Ввиду отсутствия предмета судебного обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ оснований для передачи дела на новое судебное рассмотрение не имеется.

2. Возмещение лицу имущественного вреда при реабилитации включает в себя возмещение сумм, выплаченных за оказание ему юридической помощи, с учетом фактически понесенных расходов, непосредственно связанных с осуществлением защиты по конкретному обвинению, по которому прекращено уголовное преследование

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Четвертого кассационного суда общей юрисдикции
от 25 августа 2021 г.*

(Извлечение)

По постановлению следователя следственной части Следственного управления МВД России по г. Новороссийску от 24 июля 2014 г. в отношении И. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ.

Постановлением следователя от 16 декабря 2016 г. уголовное дело в отношении И. прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в его деянии состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, за И. признано право на реабилитацию.

Постановлением Приморского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 30 мая 2018 г., оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, ходатайство И. о возмещении имущественного вреда, причиненного уголовным преследованием, удовлетворено частично, с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу И. в счет возмещения имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, взысканы расходы по оплате услуг адвоката в размере 500 000 руб., утраченный заработок в размере 12 165 руб. и судебные расходы в размере 10 000 руб., а всего — 522 165 руб.

В кассационной жалобе И. просил изменить состоявшиеся судебные решения, ссылаясь на то, что выводы судов первой и апелляционной инстанций об уменьшении заявленной им суммы имущественного вреда, подлежащего возмещению, не соответствуют требованиям закона и правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 14 июля 2021 г. кассационная жалоба И. вместе с материалом передана на рассмотрение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции 25 августа 2021 г. отменила апелляционное постановление и передала материал в отношении И. на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ обвиняемый, уголовное преследование которого прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, имеет право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

В соответствии с пп. 4, 5 ч. 1 ст. 135 УПК РФ возмещение реабилитированному имущественного вреда включает в себя возмещение сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи, иных расходов.

Исходя из разъяснений, содержащихся в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 “О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве”, суд, рассматривающий требования реабилитации о возмещении вреда или восстановлении его в правах в порядке главы 18 УПК РФ, вправе удовлетворить их или отказать в их удовлетворении полностью либо частично в зависимости от доказанности указанных требований представленными сторонами и собранными судом доказательствами.

Согласно правовой позиции, сформулированной в Определении Конституционного Суда

¹Пункт 3 в редакции постановления Пленума от 24 мая 2016 г. № 23.

РФ от 2 апреля 2015 г. № 708-О, по смыслу норм главы 18 УПК РФ и с учетом того толкования, которое придается им судебной практикой, возмещению подлежат лишь фактические расходы реабилитированного лица, которые непосредственно находятся в причинно-следственной связи с оказанием ему юридической помощи. Если же судом будет установлено (в том числе на основании документов, заключений экспертов, иных специалистов и других доказательств), что заявленная сумма понесенных расходов не обусловлена действительной стоимостью юридических услуг в пределах, существовавших на момент оказания ее рыночных значений, он присуждает к возмещению лишь сумму, являющуюся (с учетом совокупности всех обстоятельств дела, объема работы, квалификации субъектов оказания юридических услуг, а также правила о толковании сомнений в пользу реабилитированного лица) объективно необходимой и достаточной в данных конкретных условиях для оплаты собственно юридической помощи.

Указанные требования закона судом не были учтены.

Из материалов дела видно, что адвокат М. осуществлял защиту интересов И. в ходе предварительного следствия на основании соглашения об оказании юридической помощи от 25 июля 2014 г., при этом сумма гонорара определена в размере 50 000 руб. в месяц.

Согласно копии квитанции от 16 января 2017 г. И. оплатил адвокату М. 1 450 000 руб. за оказание юридической помощи по уголовному делу и в соответствии с квитанцией от 13 марта 2018 г. — 50 000 руб. за подготовку ходатайства и представление интересов И. в суде.

С учетом разъяснений, содержащихся в п. 15 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ, при определении размера возмещения вреда за оказание юридической помощи суд должен исходить из подтвержденных материалами дела фактически понесенных расходов, непосредственно связанных с ее осуществлением.

Между тем суд первой инстанции не выяснил, соответствует ли заявленная И. сумма сложности уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, относящегося к тяжким преступлениям, объему выполненной адвокатом М. работы, количеству следственных и иных процессуальных действий и судебных заседаний, в которых защитник принимал участие.

Данных о том, что расследование уголовного дела в отношении И., которое проводилось с 24 июля 2014 г. по 16 декабря 2016 г., приостанавливалось, а также о том, что в течение какого-то периода времени следственные действия не проводились, в материале не содержится и в постановлении не приведено.

Также суд вопреки требованиям закона не проверил, соответствует ли стоимость оказанных адвокатом М. юридических услуг, установленная в соглашении, стоимости и тарифам аналогичных услуг по оказанию квалифицированной

юридической помощи, сложившейся в субъекте Российской Федерации — в Краснодарском крае.

Кроме того, суд установил, что И. понес расходы, связанные с подготовкой и рассмотрением его заявления о возмещении имущественного ущерба, причиненного в результате незаконного уголовного преследования, в размере 25 000 руб. Вместе с тем, удовлетворив требования заявителя частично (в размере 10 000 руб.), суд не мотивировал в постановлении свое решение по данному вопросу.

Судом апелляционной инстанции указанные нарушения закона, которые допущены судом первой инстанции, оставлены без внимания¹.

3. Подсудность уголовного дела военному суду определяется отношением лица, обвиняемого в совершении преступления, к военной службе во время совершения преступления, а не во время судебного разбирательства

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Четвертого кассационного суда общей юрисдикции
от 27 сентября 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Шахтинского городского суда Ростовской области от 30 апреля 2019 г. И. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных п. “а” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ и по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Приговор постановлен в особом порядке судебного разбирательства в соответствии с главой 40¹ УПК РФ.

В повторной кассационной жалобе осужденный просил отменить приговор и передать уголовное дело на новое судебное рассмотрение, поскольку он совершил преступление в период прохождения военной службы.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 28 июля 2021 г. кассационная жалоба осужденного И. вместе с уголовным делом передана на рассмотрение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции 27 сентября 2021 г. кассационную жалобу И. удовлетворила частично, исходя из следующего.

Согласно положениям ч. 3 ст. 8 УПК РФ подсудимый не может быть лишен права на рассмотрение его уголовного дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено данным Кодексом.

¹ Апелляционным постановлением Краснодарского краевого суда от 11 ноября 2021 г. постановление суда от 30 мая 2018 г. отменено, материал направлен на новое судебное рассмотрение. По постановлению судьи Приморского районного суда г. Новороссийска Краснодарского края от 25 февраля 2022 г. с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу И. взыскана стоимость произведенных затрат на оплату юридической помощи защитника в размере 1 450 000 руб., утраченный заработок в размере 12 165 руб. и судебные расходы в размере 25 000 руб.

В соответствии с ч. 5 ст. 31 УПК РФ гарнизонный военный суд рассматривает уголовные дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, за исключением уголовных дел, подсудных вышестоящим военным судам.

Аналогичное положение содержится в п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ “О военных судах Российской Федерации”, согласно которому военным судам подсудны в том числе дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, о преступлениях, совершенных гражданами в период прохождения ими военной службы, военных сборов.

По смыслу указанных положений закона подсудность уголовного дела военному суду поставлена в зависимость от отношения обвиняемого к военной службе во время совершения преступления. На это обращено внимание в Определении Конституционного Суда РФ от 14 октября 2004 г. № 328-О, в котором отмечено, что уголовно-процессуальный закон, обеспечивая определенность правового регулирования, прямо ставит решение вопроса о подсудности уголовного дела военному суду в зависимости от отношения лица, обвиняемого в совершении преступления, к военной службе во время совершения преступления, а не во время судебного разбирательства.

В силу ч. 3 ст. 34 УПК РФ, если уголовное дело подсудно вышестоящему суду или военному суду, то оно во всех случаях подлежит передаче по подсудности.

По смыслу указанной нормы уголовно-процессуального закона в тех случаях, когда неподсудность дела суду выясняется в судебном заседании, уголовное дело передается по подсудности независимо от стадии процесса.

При производстве по данному уголовному делу указанные выше требования уголовно-процессуального закона не были соблюдены, не принята во внимание и правовая позиция Конституционного Суда РФ.

И. осужден в том числе за совершение в период с июля до середины ноября 2017 г. двух преступлений, предусмотренных п. “а” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Из имеющихся в материалах дела сведений в отношении И., собранных в период предварительного расследования по делу, усматривалось, что на запрос Управления МВД России по г. Шахты Ростовской области был получен ответ от 7 августа 2018 г., предоставленный военным комиссариатом о том, что И. 3 февраля 2017 г. был снят с воинского учета в военном комиссариате г. Шахты и Октябрьского района Ростовской области в связи с поступлением на военную службу по контракту в воинскую часть.

Согласно выписке из приказа командира воинской части от 30 ноября 2017 г. ефрейтор И. уволен с военной службы приказом командира воинской части от 29 ноября 2017 г. в запас Вооруженных Сил РФ в соответствии с

подп. “в” п. 2 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе” и подп. “в” п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы (в связи с невыполнением им условий контракта) и исключен из списков личного состава воинской части.

Несмотря на наличие в распоряжении органа предварительного расследования указанных выше данных в отношении обвиняемого И., предполагающих отнесение обвиняемого лица к категории военнослужащих, что имеет непосредственное значение для определения подсудности и подсудности уголовного дела, в обвинительном заключении такие сведения следователем не отражены. Обвинительное заключение было утверждено прокурором и с уголовным делом передано для рассмотрения по существу в Шахтинский городской суд Ростовской области.

Постановлением от 2 апреля 2019 г. уголовное дело в отношении И. назначено к рассмотрению в особом порядке судебного разбирательства в городском суде. При этом оснований для проведения предварительного слушания по делу, предусмотренных ст. 229 УПК РФ, в том числе при наличии оснований для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных ст. 237 УПК РФ, судьей не было установлено.

Как следует из протокола судебного заседания, в ходе судебного разбирательства И. совместно с адвокатом заявили о необходимости истребования документов, подтверждающих прохождение подсудимым военной службы по контракту в воинской части после прохождения военной службы по призыву.

На запрос судьи городского суда из военного комиссариата получен ответ от 22 апреля 2019 г., содержащий сведения, аналогичные, по существу, тем, что были предоставлены в период предварительного расследования по делу и уже имевшиеся в материалах дела, о снятии И. 3 февраля 2017 г. с учета в связи с его поступлением на военную службу по контракту в воинскую часть.

Из копии военного билета И., приобретенной к материалам дела, усматривается наличие в нем отметок за подписью должностного лица воинской части о поступлении 25 января 2017 г. на военную службу по контракту в воинскую часть, увольнении с военной службы в отдел военного комиссариата Ростовской области по г. Шахты и Октябрьскому району и обязанности прибыть и встать на воинский учет до 1 декабря 2017 г.

Имеющиеся в материалах дела характеризующие сведения об отношении И. к воинской обязанности и военной службе были в полном объеме исследованы в судебном заседании, однако не получили надлежащей оценки суда с точки зрения возможности признания И. военнослужащим лицом в период совершения с июля до середины ноября 2017 г. инкриминируемых ему преступлений и правильного определения подсудности уголовного дела. Вопрос о

передаче уголовного дела по подсудности в военный суд на обсуждение с участниками процесса суд не выносил.

С учетом изложенного судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции отменила приговор в отношении И. и передала уголовное дело по подсудности в Новочеркасский гарнизонный военный суд на новое судебное рассмотрение¹.

**4. Вывод суда об отсутствии состояния
необходимой обороны сделан без учета
конкретных обстоятельств дела,
свидетельствующих о том, что со стороны
потерпевшего имело место посягательство,
сопряженное с насилием, не опасным для жизни
осужденного, защита от которого прямо
предусмотрена ч. 2 ст. 37 УК РФ**

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Шестого кассационного суда общей юрисдикции
от 27 января 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Богатовского районного суда Самарской области от 8 апреля 2019 г. Ш. осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 12 августа 2019 г. действия Ш. переквалифицированы с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ. В приговор внесены и иные изменения.

С учетом внесенных в приговор изменений Ш. признан виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью М., опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, с применением предмета, используемого в качестве оружия.

В кассационной жалобе осужденный Ш. оспаривал квалификацию его действий по ч. 4 ст. 111 УК РФ и утверждал, что применил нож как единственную возможность защиты от нападения, при этом не желал причинения тяжкого вреда здоровью М. и не предвидел наступления смерти последнего. Ш. утверждал, что оборонялся от нападения и имел на это право.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 8 декабря 2020 г. кассационная жалоба осужденного Ш. вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании Шестого кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции 27 января 2021 г. изменила приговор и апелляционное определение, действия Ш. переквалифицировала с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 114 УК РФ ввиду следующего.

¹По приговору Новочеркасского гарнизонного военного суда от 29 марта 2022 г. И. признан виновным и осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных п. "а" ч. 4 ст. 228¹ УК РФ и по ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Исходя из положений п. 2 ст. 307 УПК РФ в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора суду надлежит дать оценку всем исследованным в судебном заседании доказательствам, как уличающим, так и оправдывающим подсудимого, при этом суд излагает доказательства, на которых основаны его выводы по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, и приводит мотивы, по которым те или иные доказательства отвергнуты судом.

Содержание апелляционного определения должно отвечать положениям ст. 389²⁸ УПК РФ.

Данные требования закона судами первой и апелляционной инстанций выполнены не в полной мере.

Ш., не оспаривая в судебном заседании факт причинения им смерти М., настаивал на том, что ножевые ранения он нанес потерпевшему, обороняясь от его неправомерных действий.

Описывая преступные действия Ш., суд признал установленным, что в ночное время между Ш. и М. возник конфликт по поводу вторжения последнего в чужое жилище, за которым присматривал Ш. в отсутствие владельца Л., в ходе возникшей борьбы и обоюдной драки М. нанес несколько ударов руками и ногами по разным частям тела Ш., удерживавшего его в кухне, а Ш. взял лежащий на столе нож, которым нанес М. два удара в область бедра и один удар в живот, причинив телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью. После полученных телесных повреждений М. убежал из квартиры Л. к железнодорожной станции, где и скончался.

Отвергая доводы стороны защиты о том, что Ш. применил нож в отношении М. для защиты от его неправомерных действий, и признав установленным факт наличия возникшего конфликта, борьбы и обоюдной драки между М. и Ш., суд отметил в приговоре, что действия Ш. были осмысленными, целенаправленными — М. в ходе борьбы и обоюдной драки с удерживавшим его Ш. не был вооружен и не применял насилие, опасное как для жизни, так и для его здоровья, от которого следовало защищаться избранным Ш. способом. Из показаний Ш. не следует, что он вел себя правомерно и имел право на необходимую оборону. На этом основании судом сделаны выводы о том, что в сложившейся ситуации Ш. не находился в состоянии необходимой обороны и применение такого насилия в отношении М. не было оправдано целями обороны. Указанные Ш. события — конфликт, перешедший в обоюдную драку, не подпадают под действие положений ст. 37 УК РФ.

Между тем ч. 2 ст. 37 УК РФ предусматривает возможность защиты от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Защита в подобной ситуации является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

Согласно разъяснениям, данным в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сен-

тября 2012 г. № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”, под посягательством, защита от которого допустима в пределах, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ, следует понимать совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица (например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья).

Суд признал достоверными показания Ш. о том, что в ходе возникшей борьбы и драки, предшествовавшей нанесению ранений М., последний нанес Ш. побои, что подтверждено заключением эксперта, согласно выводам которого Ш. были причинены телесные повреждения в виде кровоподтеков на передней поверхности груди слева, на наружной поверхности левого плеча в верхней трети, на левой голени, а также ссадины на задней поверхности левого предплечья в средней трети, на задней поверхности правого локтевого сустава и царапина на задней поверхности левого предплечья в средней трети, которые не причинили вреда здоровью.

Приведенные в приговоре доказательства (в том числе показания Ш. и заключение эксперта) свидетельствуют о том, что М. причинил в ходе драки Ш. побои, и тем самым в отношении Ш. со стороны М. имело место посягательство, сопряженное с насилием, не опасным для жизни, защита от которого прямо предусмотрена ч. 2 ст. 37 УК РФ.

При данных обстоятельствах, принимая также во внимание, что рассматриваемые события происходили в ночное время и М., ранее незнакомый Ш., проник в чужое жилище не один, выводы суда о том, что Ш. не имел право на необходимую оборону, действия М. не представляли для него опасности и Ш. не имел оснований защищаться от потерпевшего, нельзя признать обоснованными.

Суд не привел мотивов в обоснование своего суждения относительно того, что конфликт и обоюдная драка между Ш. и М. исключали возможность возникновения у Ш. права на необходимую оборону против посягательства М. на его здоровье. Суд не учел, что конфликт между Ш. и М. возник не из-за неправомерного поведения Ш., а по причине вторжения М. в чужое жилище, за которым присматривал Ш.

При указанных обстоятельствах действия Ш. судом квалифицированы неверно.

Вместе с тем, оценивая действия Ш. — нанесение безоружному М. ножом проникающего ранения в область живота, причинившего тяжкий вред его здоровью, а также двух непроникающих ранений в область правого бедра, судебная коллегия пришла к выводу, что необходимости в применении ножа, чтобы отразить имевшее место посягательство, и в нанесении М. многочисленных ударов ножом не имелось. Избранный Ш. способ защиты явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, им были превышены пределы необходимой обороны.

5. Неудовлетворительное состояние здоровья лица относится к данным о его личности и, исходя из положений ч. 2 ст. 61 УК РФ, может быть признано обстоятельством, смягчающим наказание, вне зависимости от обстоятельств получения заболевания

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Шестого кассационного суда общей юрисдикции
от 26 марта 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Октябрьского районного суда г. Кирова от 4 июля 2018 г. К. осужден по п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ к пяти годам лишения свободы.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 21 августа 2018 г. приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный К. оспаривал судебные решения в части назначения наказания без учета смягчающего обстоятельства — наличия у него заболеваний, развившихся вследствие травмы обоих глаз, полученной в результате противоправных действий потерпевшего. К. отмечал, что он потерял зрение на один глаз, в момент подачи жалобы решается вопрос о признании его инвалидом, просил смягчить назначенное наказание.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 1 февраля 2021 г. кассационная жалоба осужденного К. вместе с уголовным делом переданы для рассмотрения в судебном заседании Шестого кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции 26 марта 2021 г. отменила апелляционное определение в отношении К. и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение ввиду следующего.

Основанием изменения судебного решения в апелляционном порядке согласно положениям, определенным в ст. 389¹⁵ УПК РФ, является в том числе и несправедливость приговора.

Несправедливость назначенного наказания выражается в том, что наказание, назначенное осужденному по приговору, не соответствует тяжести преступления, личности осужденного, либо хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, но по своему виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости (ч. 2 ст. 389¹⁸ УПК РФ).

В апелляционном определении в соответствии с п. 7 ч. 3 ст. 389²⁸ УПК РФ указываются мотивы принятого решения.

Согласно п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания” установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, имеет важное значение при назначении лицу, совершившему преступление, как основного, так и дополнительного наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не является исчерпывающим. В качестве обстоятельства, смягчающего наказание, суд вправе признать состояние здоровья виновного.

Данные требования закона судом апелляционной инстанции учтены не были.

Из приговора следует, что при назначении К. наказания учтены характер и степень общественной опасности содеянного, конкретные обстоятельства дела, данные о личности виновного, влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи; наличие отягчающего наказание обстоятельства — рецидива преступлений, являющегося в соответствии с п. “а” ч. 3 ст. 18 УК РФ особо опасным, а также смягчающие обстоятельства, к которым отнесены признание вины, явка с повинной, наличие на иждивении малолетнего ребенка, противоправное поведение потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления.

В апелляционной жалобе осужденный выразил несогласие с приговором, просил о смягчении назначенного ему наказания, утверждал, что потерпевшим М. ему были нанесены побои, причинившие тяжкий вред его здоровью — потерю зрения на один глаз (в подтверждение приложил к жалобе копию заключения врача-офтальмолога и ходатайствовал о приобщении данного документа к материалам уголовного дела), а также просил об истребовании из медико-санитарной части следственного изолятора акта о том, что у него были зафиксированы побои.

Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайства К., обосновав свое решение тем, что отсутствуют данные о том, что указанные в жалобе сведения могут иметь отношение к рассматриваемому делу. Кроме того, копия заключения не соответствует требованиям, предъявляемым к доказательствам по уголовному делу, — документ не был заверен надлежащим образом.

Однако согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 “О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции”, в целях вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора или иного судебного решения суд апелляционной инстанции оказывает содействие сторонам в собирании и представлении доказательств путем производства судебных и иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, в том числе истребования по ходатайству сторон справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений. Представленные суду апелляционной инстанции дополнительные материалы подлежат проверке и оценке в совокупности с другими доказательствами по делу.

Вопреки требованиям уголовно-процессуального законодательства суд апелляционной инстанции не предпринял мер по проверке и оценке доводов апелляционной жалобы о необходимости при-

знания смягчающим обстоятельством неудовлетворительного состояния здоровья осужденного.

В то же время нельзя согласиться с выводами судебной коллегии об отсутствии оснований для признания смягчающим обстоятельством получение К. повреждения, повлекшего снижение зрения, ввиду признания судом первой инстанции смягчающим обстоятельством противоправного поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления.

Утверждение К. о потере им зрения на один глаз характеризует состояние его здоровья, которое, по его мнению, необоснованно не было учтено судом в качестве смягчающего обстоятельства при назначении ему наказания.

Неудовлетворительное состояние здоровья относится к данным о личности виновного, и возможность признания таких данных судом в качестве смягчающего обстоятельства в соответствии с положениями ч. 2 ст. 61 УК РФ не может быть поставлена в зависимость от обстоятельств, в результате которых лицо получило имеющееся у него заболевание.

У судебной коллегии не имеется оснований подвергать сомнению выводы суда апелляционной инстанции о том, что представленное К. заключение не отвечало признаку допустимости, поскольку в нем отсутствовали фамилия пациента и печать медицинского учреждения.

Между тем без надлежащей проверки и оценки указанного обстоятельства и доводов осужденного о наличии у него серьезного заболевания, которое имелось у него на момент вынесения приговора и не было учтено при назначении ему наказания, выводы суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для признания смягчающим обстоятельством потери им зрения на один глаз являются преждевременными¹.

6. По смыслу ч. 2 ст. 389²⁴ УПК РФ отмена оправдательного приговора по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту не допускается.

Оправдательный приговор может быть изменен по указанным мотивам лишь в части, касающейся основания оправдания, по жалобе оправданного, его защитника, законного представителя и (или) представителя (ч. 3 ст. 389²⁶ УПК РФ)

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Девятого кассационного суда общей юрисдикции
от 18 января 2022 г.*

(Извлечение)

По приговору мирового судьи судебного участка № 24 судебного района “Центральный район г. Хабаровска” от 13 марта 2019 г. К. оправдана

¹ По апелляционному определению судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 20 мая 2021 г. приговор в отношении К. изменен: признано смягчающим наказание К. обстоятельством состояние его здоровья и наличие инвалидности III группы; смягчено наказание, назначенное по п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ, до четырех лет девяти месяцев лишения свободы. В приговор внесены и иные изменения.

по ст. 319 УК РФ на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления. За К. признано право на реабилитацию.

Апелляционным постановлением Центрального районного суда г. Хабаровска от 3 июня 2019 г. приговор отменен, уголовное дело возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2021 г. кассационная жалоба К. вместе с материалами уголовного дела передана на рассмотрение Девятого кассационного суда общей юрисдикции.

В кассационной жалобе и дополнении к ней К. просила отменить апелляционное постановление и последующие судебные решения, поскольку отмена оправдательного приговора по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту, как было указано в решении суда апелляционной инстанции, не допускается.

Судебная коллегия по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции 18 января 2022 г. отменила апелляционное постановление от 3 июня 2019 г., приговор мирового судьи судебного участка № 71 судебного района «Центральный район г. Хабаровска» от 29 декабря 2020 г. и апелляционное постановление Центрального районного суда г. Хабаровска от 5 августа 2021 г. и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение ввиду следующего.

Согласно апелляционному постановлению от 3 июня 2019 г. основанием к отмене оправдательного приговора в отношении К. и возвращению уголовного дела прокурору явилось отсутствие в предъявленном обвинении сведений о том, что слова, которые К. высказала в адрес оперуполномоченного отдела экономической безопасности и противодействия коррупции Управления МВД России по г. Хабаровску П., были выражены в неприличной форме.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что формулировка предъявленного К. обвинения не конкретизирована, этим нарушено предусмотренное п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ право обвиняемой знать, в чем она обвиняется.

В соответствии с ч. 2 ст. 389²⁴ УПК РФ оправдательный приговор суда первой инстанции может быть отменен судом апелляционной инстанции не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей на незаконность и необоснованность оправдания подсудимого.

В соответствии с п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» отмена оправдательного приговора по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту не допускается. Оправдательный приговор может быть изменен по указанным мотивам лишь в части, касающейся основания оправдания, по жалобе оправданного, его защит-

ника, законного представителя и (или) представителя.

Таким образом, оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 389²⁴ УПК РФ, свидетельствующих о незаконности и необоснованности оправдания К. судом апелляционной инстанции, не установлено. Указанный в апелляционном постановлении повод для отмены оправдательного приговора противоречит требованиям закона¹.

ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

1. Предупреждение военнослужащего о неполном служебном соответствии в период мобилизации вместо увольнения с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица при отсутствии малозначительности совершенного проступка судом кассационной инстанции признано законным

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 31 октября 2023 г.*

(Извлечение)

Решением Северодвинского гарнизонного военного суда от 29 марта 2023 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северного флотского военного суда от 8 июля 2023 г., удовлетворено административное исковое заявление М. в той части, в которой он просил признать незаконным приказ командующего Северным флотом от 10 февраля 2023 г. о предупреждении его о неполном служебном соответствии за нарушение требований ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции», выразившееся в несоблюдении требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, а также в представлении недостоверных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Кассационный военный суд, рассмотрев дело по кассационной жалобе административного ответчика, судебные акты в указанной части отменил и принял по делу новое решение о признании законным приказа командующего Северным флотом.

Из материалов дела следует, что по результатам проверки установлено: М. предоставил заведомо недостоверные и неполные сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2019 и 2020 годы.

Решением комиссии по соблюдению требований к служебному поведению федеральных госу-

¹ По апелляционному постановлению Центрального районного суда г. Хабаровска от 13 апреля 2022 г. приговор от 13 марта 2019 г., по которому К. оправдана по предъявленному ей обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, оставлен без изменения, апелляционное представление государственного обвинителя и потерпевшего П. — без удовлетворения.

дарственных служащих и урегулированию конфликта интересов допущенные М. нарушения не были признаны малозначительными, в связи с чем рекомендовано уволить его с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать такое решение.

Приказом командующего Северным флотом от 10 февраля 2023 г. М. предупрежден о неполном служебном соответствии за несоблюдение требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, а также представление недостоверных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Признавая приказ незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что в силу закона последствием совершения указанного проступка, если он не был признан малозначительным, является досрочное увольнение с военной службы.

При этом судом оставлены без внимания имеющие существенное значение для дела обстоятельства, что повлекло неправильное применение норм материального права.

Согласно ст. 27¹ Федерального закона “О статусе военнослужащих” на военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства РФ, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом “О противодействии коррупции”, п. 10 ч. 1 ст. 15, ст.ст. 17, 18 и 20 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” и ч. 1 ст. 11 Федерального закона “О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием”, за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации.

В частности, в силу ст. 20 Федерального закона “О государственной гражданской службе Российской Федерации” и ст. 8 Федерального закона “О противодействии коррупции” военнослужащий обязан представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Эту обязанность административный истец нарушил.

В соответствии с подп. “д¹” п. 1 ст. 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему со стороны должностного лица, имеющего право принимать решение о его увольнении, в случае представления заведомо недостоверных или неполных сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

При этом в силу п. 3¹ ст. 51¹ Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе” при малозначительности совершенного военнослужащим коррупционного правонарушения к

нему может быть применено взыскание в виде выговора.

Между тем в период мобилизации воинская обязанность граждан определяется в том числе специальным законодательством, регулирующим правовые отношения в сфере военной службы в особые периоды (состояния) государства, отличающимся от правового регулирования прохождения военной службы в мирное время.

В частности, п. 5 ст. 17 Федерального закона “О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации” предусмотрено, что военнослужащие при объявлении мобилизации продолжают проходить военную службу.

Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 в Российской Федерации объявлена частичная мобилизация, в связи с чем контракты о прохождении военной службы, заключенные военнослужащими, продолжают свое действие до окончания периода частичной мобилизации, за исключением случаев увольнения военнослужащих по достижении ими предельного возраста, по состоянию здоровья и в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, увольнение с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему законодательством в период мобилизации не предусмотрено. Оснований признать совершенное М. коррупционное правонарушение малозначительным также не установлено.

В связи с этим командующий Северным флотом обоснованно применил к М. меру дисциплинарного характера в виде неполного служебного соответствия, являющегося менее строгим взысканием по сравнению с увольнением с военной службы в связи с утратой доверия к военнослужащему.

2. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, совершенное с применением предмета, используемого в качестве оружия, повлекшее тяжкие последствия, охватываемые составом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 335 УК РФ, и дополнительной квалификации по п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ не требуется

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 1 июня 2023 г.*

(Извлечение)

По приговору Реутовского гарнизонного военного суда, оставленному без изменения апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда, Р. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 335 и п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Р. признан виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военнослужащи-

ми при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанном с унижением чести и достоинства потерпевшего К., сопряженном с насилием, повлекшем тяжкие последствия, и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, с применением предмета, используемого в качестве оружия.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, кассационный военный суд 1 июня 2023 г. приговор изменил, исключил из него осуждение Р. по п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение вреда здоровью, совершенное с применением предмета, используемого в качестве оружия) и назначенное ему наказание по совокупности преступлений.

В обоснование принятого решения приведены следующие доводы.

По смыслу уголовного закона и разъяснений, содержащихся в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 “О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы”, в ч. 3 ст. 335 УК РФ тяжким последствием также является умышленное или неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью, которое при отсутствии квалифицирующих признаков, перечисленных в чч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ, не требует дополнительной квалификации по статьям главы 16 УК РФ.

Таким образом, действия Р., направленные на умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, с применением предмета, используемого в качестве оружия, полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 335 УК РФ, и дополнительной квалификации по п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ не требуется.

3. Закон не предусматривает возможности возврата транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264¹, 264² или 264³ УК РФ

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 4 октября 2023 г.*

(Извлечение)

По вступившему в силу приговору Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 17 февраля 2023 г. К. осужден по ч. 1 ст. 264¹ УК РФ за управление в состоянии опьянения принадлежащим ему автомобилем, будучи ранее подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Судом решен вопрос о вещественном доказательстве — автомобиле, которым К. управлял при совершении преступления. По вступлении приговора в законную силу постановлено передать данное транспортное средство по принадлежности осужденному.

Рассмотрев материалы дела по кассационному представлению прокурора, кассационный воен-

ный суд приговор отменил в части решения не конфисковывать принадлежащий осужденному автомобиль. Уголовное дело в части решения вопроса о конфискации указанного транспортного средства передано на новое рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 399 УПК РФ, в гарнизонный военный суд.

Из материалов дела следует, что 6 ноября 2022 г. К. управлял в состоянии опьянения автомобилем, принадлежащим ему на праве собственности, который постановлением следователя признан вещественным доказательством.

В соответствии с п. “д” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ) конфискация есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264¹, 264² или 264³ УК РФ.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 3¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 “О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве” (в ред. от 12 декабря 2023 г.), в силу положений пп. “г” и “д” ч. 1 ст. 104¹ УК РФ орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, транспортное средство, которое было использовано обвиняемым при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264¹, 264² или 264³ УК РФ, подлежат конфискации при условии, что они принадлежат обвиняемому.

Для целей главы 15¹ УК РФ принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов.

При таких данных указанное транспортное средство подлежало конфискации, а решение суда о неприменении этой меры уголовно-правового характера является необоснованным.

4. Начало незаконного пребывания военнотружашего вне части (места службы) исчисляется с момента истечения установленного срока явки на службу

*Кассационное определение
кассационного военного суда
от 9 ноября 2023 г.*

(Извлечение)

По приговору Нальчикского гарнизонного военного суда от 19 апреля 2023 г., оставленному без изменения апелляционным определением Южного окружного военного суда от 23 июня 2023 г., старший прапорщик П. осужден к лишению свободы по чч. 4 и 5 ст. 337 УК РФ на срок один год и пять лет соответственно и по совокупности преступлений — на срок пять лет шесть месяцев в исправительной колонии общего режима.

Согласно приговору П. не явился в срок без уважительных причин на службу 6 июня 2022 г. и

отсутствовал на ней до своего прибытия в воинскую часть 13 декабря 2022 г.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника осужденного, кассационный военный суд судебные решения изменил, срок неявки П. без уважительных причин на службу исчислил с 7 июня 2022 г. и смягчил ему наказание по ч. 4 ст. 337 УК РФ до одиннадцати месяцев лишения свободы, а по совокупности преступлений — до пяти лет пяти месяцев в исправительной колонии общего режима.

В суде установлено, что согласно приказу командира воинской части П. был обязан прибыть к месту служебной командировки в воинскую часть, дислоцированную в Запорожской области, 6 июня 2022 г. Однако без уважительных причин осужденный к установленному времени к месту службы не прибыл.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 “О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы”, под продолжительностью самовольного оставления части (места службы) или неявки в срок на службу, указанной в ст. 337 УК РФ, понимается фактическое время незаконного пребывания военнослужащего вне части (места службы), исчисляемое с момента самовольного оставления части (места службы) либо истечения установленного срока явки на службу и до момента прекращения такого пребывания по воле или вопреки воле лица (например, добровольная явка в часть (к месту службы) или в органы военного управления, правоохранительные органы, задержание).

Следовательно, при указанной в ст. 337 УК РФ неявке в срок на службу начало незаконного пребывания военнослужащего вне части (места службы) исчисляется с момента истечения установленного срока явки на службу.

Поскольку сроком прибытия П. в служебную командировку являлось 6 июня 2022 г., то время его неявки подлежит исчислению со следующего дня, т.е. с 7 июня 2022 г.

5. Участие лица в деятельности террористической организации, а затем руководство ее деятельностью подлежат самостоятельной квалификации по чч. 1 и 2 ст. 205² УК РФ соответственно

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 1 ноября 2023 г.*

(Извлечение)

По приговору Южного окружного военного суда от 24 мая 2023 г. С. помимо прочего осужден по ч. 1 ст. 205² УК РФ за организацию и участие в деятельности структурного подразделения (ячейки) международной террористической организации.

Апелляционный военный суд, рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, приговор изменил в

части квалификации содеянного по следующим основаниям.

Судом установлено, что С. с 18 марта 2014 г. по 10 мая 2018 г. принял участие в деятельности структурного подразделения международной террористической организации “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами”, а затем — после задержания организаторов и других участников ячейки этой организации — в период с 10 мая 2018 г. до 9 февраля 2022 г. организовывал ее деятельность.

Таким образом, С. в определенные конкретные периоды сначала принял участие в деятельности запрещенной организации, а затем организовывал ее деятельность.

Все эти действия органом предварительного расследования и судом расценены как организация и участие в деятельности структурного подразделения террористической организации и квалифицированы по ч. 1 ст. 205⁵ УК РФ.

Между тем исходя из разъяснений, содержащихся в п. 22⁷ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 “О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности”, такая юридическая оценка содеянного возможна только при условии идеальной совокупности совершаемых противоправных действий, связанных с организацией и участием. То есть тогда, когда лицо, организовавшее деятельность террористической организации, принимало участие в ее деятельности.

В данном случае с учетом конкретных обстоятельств дела действия С., связанные сначала с участием в деятельности террористической организации, а затем в организации ее деятельности, подлежат квалификации как два самостоятельных преступления, ответственность за которые предусмотрена чч. 1 и 2 ст. 205⁵ УК РФ.

Поскольку указанные действия осужденному фактически были вменены в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления, не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, переквалификация содеянного не ухудшает его положения и не нарушает право на защиту.

6. Размещенные лицом в сети “Интернет” комментарии, содержащие публичное оправдание терроризма, через непродолжительный промежуток времени, в ходе обсуждения участниками беседы одного новостного события, и содержащие схожие по своему смыслу и дополняющие друг друга высказывания, ошибочно квалифицированы судом как два самостоятельных преступления

*Апелляционное определение
апелляционного военного суда
от 19 апреля 2023 г.*

(Извлечение)

По приговору Центрального окружного военного суда Д. осужден в том числе по ч. 2 ст. 205² УК РФ за совершение двух преступлений, выра-

жившихся в публичном оправдании терроризма с использованием сети “Интернет”.

Апелляционный военный суд, рассмотрев 19 апреля 2023 г. дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитников, приговор изменил. Действия Д., квалифицированные по совокупности двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205² УК РФ, суд переквалифицировал на ч. 2 ст. 205² УК РФ (как единое продолжаемое деяние) по следующим основаниям.

В судебном заседании установлено, что размещение Д. в сети “Интернет” комментариев, в которых он оправдывал терроризм, произошло между 23 ч. 00 мин. и 24 ч. 00 мин. 11 мая 2021 г., т.е. в течение непродолжительного периода с разницей в 30 мин., в ходе обсуждения участниками беседы одного новостного события. Кроме того, коммен-

тарии содержали схожие по своему смыслу высказывания дискуссионного характера.

По смыслу уголовного закона продолжаемыми являются преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, совершаемых, как правило, через незначительный промежуток времени, в одной и той же обстановке, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. В продолжаемом посягательстве акты преступного деяния связаны между собой объективными обстоятельствами, местом, временем, способом совершения преступления, а также предметом посягательства.

Приведенными в приговоре доказательствами подтверждается, что указанные действия Д. соответствуют признакам единого продолжаемого преступления.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), Астахов С.В., Борисова Е.Е., Глазов Ю.В.,
Давыдов В.А., Дзыбан А.А., Журавлева Е.М., Момотов В.В., Нефедов О.Н.,
Петрова Т.А., Подносова И.Л., Пчелинцева Л.М., Рудаков С.В.,
Хаменков В.Б., Хомчик В.В., Шилохвост О.Ю.

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 26.04.2024. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 5,37. Тираж 7160 экз. Заказ 41-2024.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
